

Марина ХРОБОТ

Исторический роман

Древние славяне

СОЛЬ

Книга первая

Марина Хробот

Древние Славяне. Соль.

Книга первая. Крещение

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56835386
Древние Славяне. Соль. Книга первая. Крещение:*

Аннотация

В глухой славянской деревне Явидово идёт привычная жизнь. Люди занимаются домашним хозяйством, растят детей, почитают Древних Богов, влюбляются, женятся и хотят быть счастливыми.

Но наступил XI век. По Руси идёт волна Крещения. Население городов и деревень сопротивляется новой вере, а она насаждается Огнём и Мечом. И скоро непонятная для населения новая Вера приходит в ближайший город Сукромлю, что сказывается на каждом жителе.

Молоденькая охотница со странным, для того времени, именем Василиса мечтает о свадьбе с княжичем Милояром. Жители деревни Явидово о достойной встрече главного праздника зимы – Масленицы. Дядя Василисы о коне. Тётя Болеслава и её соседки о скорых лёгких родах.

А вот Ведунья мечтает о спокойствии для себя и пяти деревнях вокруг.

Но не всегда наши мечты исполняются, именно так, как нам хотелось бы.

Содержание

Деревня Явидово. Василиса	5
Деревня Явидово. Княжич Гранислав	8
Дорога в деревню Глины	14
Деревня Глины. Встреча двух друганов	18
Деревня Глины. Мыльня	29
Деревня Глины. Посуда	34
Дорога в деревню Явидово. Встреча	38
Деревня Явидово. Любаша	47
Деревня Явидово. Вечер	53
Деревня Явидово. Приятная суета	59
Деревня Явидово. Свежевание оленя	64
Деревня Явидово. Посиделки у ткачихи	72
Славуньи	
Деревня Явидово. Любаша	80
Город Сукромля	85
Деревня Явидово. Пять лет назад	90
Город Сукромля. Три дня назад	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Марина Хробот

Древние Славяне. Соль.

Книга первая. Крещение

Деревня Явидово. Василиса

«Хорошо, что сегодня нет мороза, а то бы изодрала себе горло колючим зимним воздухом...»

Верёвка волокуши дергалась и выворачивала руки, да ещё в грудь сильно дуло из-за распахнувшегося тулупа. Хоть злись, хоть молись, хоть в сугроб садись. И реви!

Запыхавшись, Василиса остановилась. Плетёная волокуша с подстреленным оленёнком цеплялась за каждый пенёк или поваленное дерево, скрытое снегом. Устала за весь день просить прощения у Лешего за сломанную ветку или ушибленное дерево.

Бросив верёвку волокуши, Вася стащила с ладоней меховые рукавицы, пошевелила занемевшими пальцами и сняла из-за спины большой подлучник с тяжелым луком и тул со стрелами. Повесила их на ближайший сук заледеневшей сосны. Попробовала теребить завязки на тулупе. Две верхние болтались сосульками, а на груди верёвки оторвались совсем, вместе с клоками овчины. Теперь придётся чинить,

вставлять заплату.

Распахнув тулуп, Вася посмотрела на свой заголившийся под задранной рубахой живот, который тут же покусал холод.

На поясе кожаных портков верёвки связались намертво, такие только срезать. Нож в берестяном чехле болтался там, где и положено – слева. Связка из семи подстреленных белок свисала справа. Оберег Деваны¹ – зверёк, вырезанный из кости, впился в кожу до крови, но снимать его долго, а прятать некуда. Опустив рубаху, Вася перевязала уцелевшие завязки тулупа.

Необходимо было поспешать до дома, успеть засветло. Ночевать в снежном лесу без огня – либо смерть от голодных волков, либо обморожение. Мешочек с трутовищем и огнивом она сегодня не взяла, забыла в спешке.

Сдёрнув с головы лисью шапку и положив на сугроб, Василиса пригладила волосы, убранные в косу, сняла пуховой платок и перевязала на грудь. Кряхтя от напряжения, передвинула его полотнищем вперёд. Получилась Вася необъятным коlobком.

– Сколько же в нём будет веса? – Оглянувшись на волокушу, Вася на взгляд прикинула тяжесть убитого оленёнка. – С братишку будет, а то и больше. – Пристально взглянув в даль, в синеющую к вечеру чашу, уверенно попросила: «Помоги мне Девана, дай сил добраться до дома, я ж тебе всегда оставляю подношения. – Тут же Василиса оглянулась на ста-

¹ Девана – богиня охоты Древних Славян.

рую сосну, на которой на рассвете повесила мешочек с хлебом. Теперь он был прогрызен и пустой. – Помоги».

Произнеся заговор, Вася первым делом напялила на голову шапку, завязав верёвочки под подбородком, затем закинула за спину подлучник с луком. На пояс она привязала тул, стараясь не помять оперения стрел, затем надела рукавицы и, подхватив верёвку, потащила волокушу, тяжело переступая снегоступами, надетыми на валенки, по глубокому рассыпчатом снегу.

На ближнюю охоту Василиса не надевала лыжи, слишком неудобно было ходить по пролеску.

Деревня Явидово. Княжич Гранислав

Две седмицы назад сестрица Умила опять поссорилась с супругом Переславом, не отпуская его в город Сукромлю к своему старшему брату. Умила боялась запоев мужа от которых тот отходил долго и тяжко, мучаясь похмельем и болями в сердце.

– Посыльный от твоего брата, князя Белогора был, значит нужно ехать! – кричал Переслав побелевшим гневным ртом. – Собирай подарки для князя и моего брата! – Еле справившись с собой, князь Переслав погасил голос. – По-едем поездом на двух санях, а я в своём возке.

Не желая веселить дворню руганью, Умила в гнев разбила две глиняные плошки и четыре горшка. За зиму была уже которая ссора, глиняная посуда кончалась.

Перед дворовыми было стыдно, они теперь ели из общего чугуна, как бедняки. Сама Умила перешла на берестяную посуду, а та быстро начинали течь от горячих взваров и похлёбок.

В последнюю хвылиноку² поезд в Сукромлю остановили. Княгиня напомнила о приехавшем дружиннике, посыльном от брата, беспробудно пившего второй день в дальней гостевой клети³. Молодца так и перевели в сани, до конца не проснувшегося. А тот, путаясь в одежде, всё беспокоился о своём коне:

– Где он? Накормили его?

– Да садись ты уже, – злился конюх Белян. – И накормлен и напоен твой жеребец, спи, не мешай ехать.

Посыльного из Сукромли, он завалил в сани, накидал сверху него сено и накрыл медвежьей шкурой.

И, наконец-то, князь Переслав с шестью дворовыми людьми отбыл в город, по пути собираясь навестить соседние деревни и договориться об Масленице в своей вотчине.

И всё время, с первого мгновения появления посыльного от брата, княгиню Умилу щемило тревожное ощущение надвигающихся неприятностей... или опасности.

² Хвылина – минута (древне слаянский)

³ Клетки – небольшие комнаты, дальше основной в длинных сенях, в сторону схода к скотному двору.

После отъезда супруга, Умила села в поварне и, пересчитывая оставшуюся посуду, расстроилась. Не хватало плошек и горшков.

Повариха Радмила, вздыхая, поправляла ставшие ей узкими все четыре юбки на широких бёдрах.

– Нету посуды. – Радмила дёрнула на толстом животе завязку пояса. – От, ить, застряла... Я, Умилушка, больше с дворовыми из одного чугуна есть не могу, хлюпают они сильно, неприятно.

– А то! – в поварню вошел средний брат княгини Граня. – Сёструшка, давай-ка поеду я сегодня за посудой в Глины. – Красавец братишка поцеловал сестру в плечо, в расшитую оберегами шерстяную рубаху.

– Понимаю, – Умила оглянулась на Граню. – Скучно тебе сидеть без дела. Езжай братец, обменяй у гончаров посуду на продукты.

Нагрузив расписные сани окаменевшими от мороза мешками с пшеном, подмороженными овощами, мешком с выпечкой и бочонком со свиной солониной, Гранислав пристроил вслед им свёрток с женской обувкой – две пары красных сапог, расшитые конопляной нитью, да ещё с голубыми и зелёными стеклянными бусинами по внешней стороне.

Подскочивший молоденький Творемир накрыл обменный

товар меховым волчьим одеялом. И всё уже было готово для отъезда, когда к саням, подметая длинными подолами юбок снег, в соболином полушубке, накинутом на тёплую рубаху, подошла Умила, тронула пухлыми пальцами сапоги.

– Ты смотри, сколько добра набрал, Граниславушка. Обмениваться? Нет, ты поехал кобеляться, – сердилась сестра. – Тебе дворовых баб мало или деревенских? Ты в каком доме еще уд⁴ свой не пристроил? А? Кому везёшь обувь? Милославу или его гончарам? Не слишком жирно за горшки-то платишь?

Конюх и Творемир мелко хихикал, прикрывая щербатый рот, а сам Гранислав обнял в немалом теле сестру и поцеловал в румяную холодную щёку.

– Умила, в мороз какая у гончаров работа? Не протопишь мастерскую, не разогреешь глину, не прожаришь горшки в печи. Посуда сейчас в цене.

– Не ври мне, – стала успокаиваться Умила и улыбнулась. – Гончары мужики – не бабы, им в расшитой обуви не ходить. Чего ты там нового увидишь у тех баб? – И она показала рукой на себе между ног, прогибая плотную ткань юбок и понёв⁵. – У всех одинаково устроено, вдоль. Только сиськи бывают больше-меньше, да задница толще или круглее.

Дворовые мужики, да ещё вышедшие из трёх домов-при-

⁴ Уд – фаллос, пенис, хуй.

⁵ Понёва – Тип юбки, составленной из трёх тканых полотнищ, в каждой деревне или области особой расцветки и узора.

строек их жены так и сели в смехе на ступеньки крылец.

Гранислав проворчал:

– Бабы там, сестрица ты моя любимая, пахнут по-другому. – Обернувшись и повысив голос, он продолжил, поглаживая свою коротко стриженую бородку. – Не то вода у них особая, не то они глиной пот под мышками замазывают.

Творемир и конюх повалились в сугроб от смеха, чуть не попав под копыта толстобрюхого коня Топыча, заводимого для запрягания в сани.

Сестра, улыбаясь, внимательно оглядела брата. Вроде бы одет тепло. Сапоги в три кожи, меховые порты мехом внутрь, кручёная верёвка на поясе, шерстяной мятль⁶ на рубахе, поверху княжья шуба из рыси, крытая дорогой тканью. На голове бобровая шапка с ушами до плеч.

– Не замёрзнешь. – Успокоилась Умила и, по установленному обычаю, приложила ладони к плечам Грани. – Довези посуду и особо не балуй, на твой век баб да девок хватит. Храни тебя Боги, минуй ты Упыри. И про соль не забудь! У нас-то не больше пуда осталось. – И тут же усмехнулась. – Мех-то на портах ничего не защекочет?

– Ой, Умила, Умила, – Граня сделал серьёзное лицо. – Не ёрничай. А порты я надел на льняное исподнее, не помру от щекотки.

Со стороны скотного двора к саням подошла пёстрая коза с чёрным пятном на лбу, потыкалась в сено розовым широ-

⁶ Мятль – тёплая вязанная одежда.

ким носом и жалобно заблеяла.

– Пёс-псом наша коза, – улыбнулась Умила. – Скучает по князю. Чего она так привязалась к этому козлу?

– Сестрица, не говори громко. – Тихо сказал княжич. – Не надо супруга ругать при других.

Со двора донесся крик доярки Зденки:

– Берёзка, зар-раза! Вот, бегаёт от меня, и не хочет доиться.

– Берёзка Переслава ищет, – усмехнулась Умила. – Значит, князь скоро будет дома.

Подхватив верёвку, тянущуюся от шеи козы, подбежавшая Зденка, одетая по-простому, в тулуп и серые рубахи с юбками, повела её на дойку на скотный двор. Огреть козу прутом или ладонью, как другую скотину, она не смела. Берёзку иногда доил сам князь и даже разговаривал с нею, а она его слушала и мекала в ответ.

Дорога в деревню Глины

Конь Топыч резво тащил сани по улице. За последним домом-кузней деревни Явидово, у кромки леса, сани догна-ли коня-тягача, тащившего волокушу из тяжеленного сосно-вого бревна. По бокам бревна шли два мужика, отбрасывая в стороны снег деревянными лопатами. В деревне мужиков звали «толстый и тонкий», дома приятелей стояли рядом и дружили семьи Торчи и Жура крепче родных братьев.

Вчера Умила назначила обоих на общественные работы за пьяный загул, когда худющий Торча не только подрался с тучным Журом, но и чуть не сжёг собственную овчарню.⁷ в которой и пили мужики, хоронясь от жен.

При виде расписных праздничных саней княжича мужи-ки взбодрились, сняли с поклоном шапки, и Творемир с за-дором стеганул Топыча, заставляя его встать на обочину.

– Вот, княжич, от работы не отлыниваем, хоть и корячим-ся на пустое брюхо, – говорил Торча, взглядываясь в глаза Гранисава. – Вишь, стараемся для общества.

Вид обоих мужиков вызывал сочувствие. Потные от по-хмелья, бледные по той же причине, они вытирали шапками холодный пот под нечёсаными волосами на лбу. Их бороды, в инее от дыхания, сваялись в сосульки.

⁷ Овчарня – помещение для овец.

– Ладно, Торча, сними кусок бересты, – Гранислав кивнул на ближайшую берёзу. – Черкану сестрице, пусть выдаст вам петушка.

– Двух! – Встрял толстый Жура, надевая шапку. – У нас у каждого по три дочери и по два сына. Один петушок – только понюхать. – Мужик волновался, но старался говорить убедительно. – Мы же, княжич всегда тебе помогаем, то есть общине. Сейчас я сам отковыряю бересту, Торча не пройдёт через снег, слабый он сегодня.

Круглый Жура, вступил в снежный сугроб на обочине, оказавшийся ему по грудь, протиснулся пару шагов и дотянулся до берёзы.

– Пить нужно меньше! – Громко заявил Гранислав, удобнее усаживаясь в сани. На его слова оглянулся Творемир и хихикнул, но при взгляде княжича он нарочно нахмурился. Гранислав снова крикнул мужикам: – Дети у вас почти взрослые. Пусть помогают.

Сняв рукавицы и прислонив ладони к стволу берёзы, Жура пробормотал извинение за порчу и пообещал дереву заживления ранки к лету. Достав из ножен на поясе тонкий нож, он ловко сделал четыре лёгких надреза, снял узкую полоску бересты и, тяжело протискиваясь в сугробе, вернулся на дорогу.

– Есть грех, княжич. – Жура передал бересту Граниславу. – Попиваем мы с друганом. Но мы же нечасто. Отмечали дни рождения сразу у двоих детей.

Стеганув вожжами своего Топыча, тянувшегося обнюхивать тяжеловоза Бурого, Творемир весело хмыкнул:

– У нас в деревне каждый день у кого-нибудь день рождения или поминки, спиться можно.

Сверкнув своим, особо украшенным на рукоятке ножом, Гранияслав сделал пометки на бересте и тоже усмехнулся.

– Здесь ты прав, Творемир, – согласился он и протянул толстяку бересту. – Держи, Жура. А дурить будете, наложу урок. И не расслабляйтесь, завтра пойдёте и обрубите лёд у обоих колодцев в деревне. Сделаете ступеньки и не забудьте присыпать их землёй, а то бабы скользят, падают и после ругаются непотребными словами на всю улицу. Поехали, Тоша.

Поклонившись в пояс, мужики проводили княжича взглядами. Как только сани отъехали на несколько конских шагов, Торча нетерпеливо протянул худющую руку к бересте.

– Чего он там нацарапал, Жура? Буквы или знаки?

Развернув полоску бересты, Жура заулыбался.

– Знаки. Четыре петуха и жбан⁸ – В его крупных красных от мороза руках береста казалась сухим листиком.

– У нас самый справедливый княжич, – всхлипнул Торча, вытирая глаза грязной ладонью. – Теперь и домой не стыдно вернуться, с петушками-то.

– Сначала похмелимся, – сурово решил Жура, убирая бересту за пазуху тулупа. – Заворачиваем Бурого и поедем к княгине, заберём жбан, и только после будем ловить петухов,

⁸ Жбан – деревянный сосуд с крышкой на три ведра.

не то помрём, бегая за ними.

– Ещё два пролёта остался от снега дорогу чистить, а там уж корзовские мужики отвечают за снег... – Торча пугливо оглянулся.

– Не зли меня, друг ты мой соседский. – Нагнувшись, Жура прихватил за конец бревна и потащил его по кругу. Конь недоверчиво косился на его усилия. – Княжич вернётся из Глины через два дня, а снег уже валит. Кто сможет проверить наши старания?

Смахнув с бородёнки тающий снег, Торча сощурился, глядя на закружившую метель:

– Твоя правда, Жура. Чего коня мучить? Заворачиваемся, дайка я тебе помогу.

И, откуда силы взялись? Оба мужика бодро развернули бревно, отвязали его, оставили на обочине, и конь Бурый топтал широкими копытами к деревне, к дому, к кормушке.

Деревня Глины.

Встреча двух друганов

Как только начинались дома соседней деревни Корзово, Творемир, нарочно горячил коня, но Топыч не прибавлял шага, а только вытягивал толстую откормленную шею и гордо шел по улице.

Все, кто услышал приезд чужих саней, выглядывали из дома, а бабы, идущие с коромыслами с вёдрами, полными воды, останавливались, провожая любопытными взглядами расписные высокие сани и Гранислава, важно лежавшего на мешках и нарочно скинувшего с себя меховое одеяло, для показа богатой шубы.

Мужики, оказавшиеся на улице, кто со связкой слег⁹ на плече, кто с топором-колуном для рубки дров, кто с мешком еды на обмен, останавливались и, смело глядя в глаза княжича, кланялись, не снимая шапки. Гранислав кланялся в ответ.

Деревня скоро закончилась и снова была заснеженная дорога среди леса.

⁹ Слега – длинные тонкие стволы деревьев для подправки заборов, либо хозяйственных построек.

В деревне Глины друг детства Милояр, на голову выше Гранислава и шире в плечах, с волосами светлыми, а бородой рыжей, вышел встречать гостя в искусно расшитой рубахе.

При встрече он так сдавил в объятьях друга, что Гранислав аж крякнул.

– Пойдём, Граня, согреешься с дороги, медовухи попьём. – Повернувшись к Творемиру, Милояр снисходительно улыбнулся. – Тошка, ты тоже как разгрузишь сани, садись к нам. Эй, люди! – Милояр оглянулся на свой дом. – Кто там! Коня отведите в стойло и крепко протрите его, чтоб не простудился! Добро несите в подклеть¹⁰ и обложите колючим сердечником, нельзя допустить мышей.

Тут же на крыльцо выскочили конюх, и тётка-повариха Шура. Кланялись и искренно радовались гостям. Зимой – не летом, бывает время, когда можно продохнуть от огорода и полевых работ, хотя работы по дому всегда хватает, но всё-таки в тёмные вечера тошно от скуки, и гости – ой, как ко двору.

Творемир стоял снизу у крыльца, и напоминать о себе не решался. Он был взят в княжий терем «из жалости». Девица, понёсшая от старого княжича, а может и не от него в Ку-

¹⁰ Подклеть – хозяйственное помещение.

пальскую ночь, «ушла» в родах.

* * *

Скинув в сенях шубу на руки поварихи, Гранислав повернулся, хвалясь новой рубахой с плотно расшитыми знаками Перуна. Милослав обнову оценил и мигнул поварихе, быстро ушедшей в дом. Вернувшись, Шура подала ему обнову, и княжич надел поверх домашней рубахи лёгкую свиту¹¹ из невиданной тонкой ткани. Милослав не переносил соперничества ни в каком виде.

– Ты бы ещё корзно¹² княжье надел, – заворчала вышедшая к гостям в сени Зореслава, старшая сестра Милослава, успевшая надеть праздничную рубаху и юбки.

Брат её не слушал.

– В столовой будем обедать, нечего сегодня в поварне ютиться! – приказал он.

* * *

Помогая поварихе Шуре накрывать на стол, Зоря всё подхихкивала, глядя на красавца-соседа и молоденького Тво-

¹¹ Свита – длинная распашная верхняя мужская и женская одежда из домотканого сукна у украинцев, русских и белорусов.

¹² Корзно – Расшитый серебром по шерстяной плотной ткани, княжеский плащ.

ремира, потеющего от волнения из-за жарко истопленной столовой печи, в которую конюх всё клал и клал дрова.

Гранислав вежливо улыбался. Зорю он опасался с детства. Уж очень она здоровая и громкая.

До вечера ели-пили всего того, что нашлось в доме для неожиданных гостей. А нашлось: три петушка, зажаренные на вертелах, грибочки – рыжики и боровики по целой бадейке, сдобренные конопляным маслом; разогретых хлебов ячменных и пшеничных; икры два вида – хариуса и щучья. И, конечно же, как же без них – крепкие, по второму перегону ягодные вина и медовуха.

Домочадцы и дворовые, пять человек, сидели рядом за столом, слушали новости, рассказывали сами. Особенно любопытна была повариха Шура, родом из Явидово и выданная сюда, в Глины, замуж давным-давно, уже и правнуки народились. Но она всё равно помнила, кто в каком доме живёт, и кто с кем в каком родстве, благо деревни стоят близко, за день можно дойти, если не останавливаться.

– А как там мои ровесники, Бакота и Честислав? Один говорун, другой зануда.

– Стареют, – не стал вдаваться в подробности Гранислав. – А моя сестра Умила, младший брат Святослав и сам князь в полном порядке. Переслав поехал к нашему с Умилой старшему брату Белогору в Сукромлю, если тебе интересно.

С топотом, слышным с крыльца, в столовую влетела девочка лет двенадцати. Хорошенькая, розовая с мороза, оде-

тая не как обычная деревенщина, а в хорошую шубку из рыжей лисы и сапожки.

– А мне сказали, что у нас гости! – прокричала она, жадно разглядывая Гранислава.

– У вас что, совсем нечего делать дворовым девкам? – удивился княжич. – Пусть пойдёт птицам насыплет, или...

Все сидящие за столом замолчали.

– Иди, Доня, скинь шубку в своей клетки, – спокойно перебила Гранислава Зоря. – Не обращай внимания на грубость, выпил наш гостюшка. И сразу возвращайся к нам, за стол.

Сморщив курносый носик, девочка фыркнула и, развернувшись, пробежала по сеням. Её длинная коса недовольно подпрыгивала по спине шубки.

– Граня, – Милослав обнял плечи приятеля. – Мы с Зореславой знаем, что Доня наша сводная сестра, за седмицу до несчастья отец признался. Так что держим при себе, даже грамоте учим.

– И на хрена ей грамота в замужестве? – засомневался Гранислав.

– Она у нас будет ключницей. – Зореслава повертела серебряное кольцо на безымянном пальце. – А без грамоты ключница не ключница, разорит всё хозяйство.

– Это верно. У нас воротник¹³ Тимослав тоже умеет читать и считать.

¹³ Воротник – учётчик в княжьем доме. Живущий в доме у ворот.

Оба княжича и Творемир до вечера ели от пуза, пили от души.

Первым под широкий дубовый стол свалился не привыкший к обильному питию Творемир.

До самой ночи Граня и Милослав, оставшись вдвоём, хвалялись друг перед другом урожаем и хозяйством, любовными похождениями. Строили планы по торжку¹⁴ на Масленицу, к которому готовились все деревни в округе. Особенно ждали ковалей с Рудых Болот. Там не сеяли, не жали, занимались только скотиной и огородом, а всё больше жарили болотную руду и ковали страшно дорогие, но необходимые в хозяйстве бороны, ножи, сковороды, серпы, топоры, стрелы, да и прочую мелочь.

До пяди помня, сколько у него земли, Граня чертил на ещё влажной от замачивания куске бересты план, располагая телеги и торговые ряды, которые ещё предстояло сколотить. Милослав тыкал пальцем в начерченный берег реки в виде подковы, и нудно повторял:

– Здесь огородим зупинку¹⁵ для конюшни и гостевых столов. А здесь поставим дровяницу для торговых гостей. Пусть за наши дрова девки у родственников моются. Будут чистые,

¹⁴ Торжок – ярмарка, рынок.

¹⁵ Зупинка – Огороженная стоянка для телег и саней – др. славянский.

с ними обжиматься – сплошное удовольствие.

– Девки, это хорошо. – Глядя на столе на деревянную резную солонку, Гранислав хлопнул себя по лбу. – Блин горелый, чуть не забыл. Милослав, а у нас соль кончается. Ты не одолжишь мне бочку, а лучше две?

– Сестру нужно спросить. – Нагнувшись к полу, к спящему Творемиру, Милослав ткнул его пару раз кулаком в плечо. – Просыпайся, Творемир, в мыльню с нами пойдёшь!

Шлёпнув друга по руке, Граня понизил голос.

– Не тормози Тошку, рано ему с гульбанистыми девками тереться, борода ещё не жесткая. Так дашь соли?

– Дам. – Друга^н пьяно кивнул головой и чуть сам не свалился со скамьи на пол. – Зоря!

Откормленной лебедью Зореслава вплыла в столовую и, завлекающее поглядывая на Граню, грубо спросила брата.

– Чего тебе, пьяница? Скоро ночь на дворе, а ты орешь!

– Не хами! – Милослав стукнул по лавке кулаком так, что Тоша, лежащий рядом на полу, вздрогнул, но не проснулся. – Вели растопить мыльню, и наскреби для моего гостя бочку соли.

– Нету. – Зоря села за стол на край скамьи напротив Грани и, уперев кулаками подбородок, стала смотреть на гостя в упор. – Соли нет совсем, хотела у вас одолжиться. До лета дотянем, а после нужно ехать в поход.

– Чё, совсем-совсем нету? – Удивился Милослав. – А как же мы без неё? И чего она так быстро кончилась, ведь и трёх

лет не прошло, как за нею ездили?

– Так в осень по пьянке крышу не починили в закромах. Вода затекла, соль в бочках и растворилась. Мы с Шурой только и успели нахватать черпаками солёной воды и залить в вёдра, но много ушло в землю. Я же тебе говорила.

– Говорила, – пьяно согласился Милослав. – Так что нету у нас соли, Граня.

– Плохо. – Гранислав подхватил пальцами со стола выпавшего из миски рыжик, съел. – А мыльня?

– Мыльня будет. – Посмотрев на сестру, Милослав икнул и возмутился. – Чего сидишь, Зоря? Беги, распорядись.

– Да топится уже, – отмахнулась сестра. – А возьми меня, Граня, в жены. – Неожиданно закончила она.

– Да я бы с удовольствием, – уверенно врал Гранислав. – Но ведь я женат, а Маланья у меня сердитая, вторую жену не разрешает.

– Ой, да где она, жена твоя? – Пожав плечами, Зоря заулыбалась, не стесняясь тёмного дупла в переднем зубе. – За пять годочков только три раза её и видела. Вот сейчас она где? – Протянув руку, девушка дотронулась до короткой бороды Грани, погладила.

Перехватив девичью руку, Граня её отвёл.

– Не трогай, не бреди кровь. А жена моя, гостит у своей матери, от болезни её лечит. Уехала вместе с дочерью. Второй месяц пошел.

– Во-от. – Зоря наклонилась ближе к Гране, устроив на

столе большую грудь, обтянутую рубахой в мелких складках. Бусы в три ряда, да с оберегами, зазывно звякнули. – А я всегда рядом буду.

Захочетав филином, Милослав обеими ладонями хлопнул по столу.

– Ой, Зорька, не пугай другана, вишь он уже забледнел в лице! Иди, сестрица, зови девок-мыльниц.

– Эх! – Встав, Зоря с укоризной посмотрела на Граню. – Меня в той мыльне не будет, а то живой бы не ушел. А на жену твою мне наплевать. – Широким жестом Зореслава перекинула толстую русую косу на спину, огладила грудь поверх рубахи и уверенно закончила: – Ты на ней из расчёта женился, все знают. За Маланьей тебе три деревеньки с хорошим obroком дали, а ты там глаз не кажешь. Не любишь ты её, свою жену.

– Люблю... по-своему, – пробормотал Гранислав. – Только не одна она этом свете красивая и жаркая.

– Блядун ты, Граня, как все мужики.

Переступив через ноги развалившегося на полу Тоши, Милослав нахмурился:

– Всё, Зорька, надоела.

– Надоела? Я надоела? Единственная у тебя? После того, как наши родители утонули в одной лодке и я, маленькая, чуть с ума не соскочила? – Оба друга с удивлением смотрели на всегда уверенную в себе Зориславу, вставшую перед братом. Губы у той дрожали, слёзы катились по щекам. – А мне

что делать? По мыльням с парнями мне мыться не пристало, а замуж идти не за кого. За мужика-лапотника не пойду, а свободных княжичей не знаю.

– Зо-оренька, – Гранислав обнял девушку. – Увидишь, Боги управят, выдадим мы тебя замуж. У меня старший брат, князь Белогор, вдовый. – Гранислав сказал и, прикрыв рот ладонью, обернулся к другу. – Ой, чего-то я замахнулся. Хотя, породниться вашей семье с князем... Но замочит его твоя Зоренька. Белогор-то, братец мой старший, в возрасте... – Получив подзатыльник от Зореславы, да такой крепкий, что у неё аж застучали серебрянные, обручи на запястьях, княжич схватился за голову. – Пойдём, Милослав, париться, а то твоя сестрица поговорить не даст.

– Пойдём, – тут же согласился Милослав.

К двери Милослав пробирался, держась за стену.

– Сегодня будешь горшки и посуду отбирать или до завтра подождешь? А то ведь полдеревни не спит, надеяться на кусок солонины и особенно на медовуху.

– Завтра, Милослав. – Граня смотрел мутным взглядом на отмытые сосновые брёвна стены. – Сегодня голова дурная. А на счёт старшего брата Белогора мысль хорошая, ему всё равно жениться нужно. Но пусть решает Умила.

Перебирая ладонями по бревнам, Гранислав добрался до двери.

Провожая тяжелым, завистливым взглядом двух молодых мужчин, Зорислава села за стол, выпила чашку вина и заду-

малась. И замуж хотелось и детей тёпленьких нарожать, и
ощутить настоящую любовь. Хорошо, если три желания сов-
падут.

Деревня Глины. Мыльня

Оба княжича нетвёрдой походкой вышли из столовой, через сени, на крыльцо. Глубоко дышали вечерним морозцем, приходили в себя.

По двору пробежали три банные девки-мыльницы. В простых исподних сорочках, с тёплыми платками на головах, покрывших распущенные косы, которые распускали не каждый месяц. Бежали, хохоча и поглядывая на обоих княжичей.

И так у них на бегу поднимались и опускались полные груди, так зазывно тряслись зады, что у обоих молодых мужиков мигом выдуло половину похмелья, и они резво побежали вслед за мыльницами.

* * *

Поначалу Граня как-то не особо воспалился. Но девки своё дело знали. И кружились по жаркой мыльне, раскрыв рубахи до пояса, трясли грудями с розовыми торчащими сосками, а потом уж, совсем голые, с русыми завитками между ног, повернулись и завертели смачными румяными от жаркого воздуха задами под весёлую песню: «Разлюли моя малина, как пойду я поплясать...» и уд княжича ответил им твёрдостью.

Сами же мыльницы следили за сильным паром, замачивали веники, подавали рушники и полотенца.

Не стесняясь другана, Милослав «любился» сразу с двумя девками, то пристраиваясь сзади, то сажая к себе на колени.

– Ты всегда так? – Удивился Граня новому в телесной забаве. – Как у тебя сил хватает?

– А вот так. – Вытерев ладонью пот со лба, и, отпив хмельного квасу, Милослав цапнул за ляжку ближайшую мыльницу и повёл руку вверх, в развилку между её ног. – Меня же в мою первую взрослую Купальную ночь не поделили две молодухи с Рудых Болот, зажали, и обе надо мной старались до утра. Так вот я к таким телесным радостям и привык. Одной мне не хватает. Попробуй, княжич, понравится.

– В следующий раз, – устало отговорился Гранислав, отталкивая от себя захмелевшую и особо назойливую мыльницу. – Пойдём спать, утомился, аж падаю.

– Ещё один заход! – богатырский засмеялся Милослав и развернул к себе спиной ближайшую мыльницу. Придвинул её к ближней лавке. Девка, упёршись в неё руками, послушно расставила ноги. Вторая деваха смотрела на быстрые движения Милояра внутри подружки и завидовала.

* * *

Распаренные, в одних сорочках по колению, друганы перешли босиком по снегу в дом, в столовую, где и заснули на

лавках.

Укрыв мужчин одеялами, Зореслава велела Шуре и двум тёткам-убиральщицам очистить столовую, дабы не несло дурманом от бутылей с вином и медовухой, а еда не дразнила мышей.

Мыльницам княжица приказала выдать по куску отбеленного тонкого льняного полотна «за пострадание». Девки ноги не сводили после двух мужиков. Но для того и брали самых крупных и красивых – летом грибы-ягоды собирать, варенья варить, зимой полотна ткать да вышивать, и круглый год ублажать приезжающих.

Кто ж откажется от такой работы, лёгкой да сладкой? Да и не всех желающих девок приглашали. Княжичи устраивали смотрины, выбирали девок-мыльниц всей семьёй, дабы не осрамиться перед гостями.

* * *

На утро, с трудом очухавшись, Гранислав сел на жесткой лавке и долго тянулся всем телом вверх и в стороны. С пола, из-под одеяла, на него с тоской смотрел Тоша.

– Водички-и-и... – только и смог сказать парень.

– Вина надо. – Решительно вошла в комнату Зоря с подносом в руках, одетая в праздничное платье. – Чем отравился, тем и полечился.

На подносе стояли деревянные кружки с хмельным ква-

сом, ломти хлеба с птичьим мясом от вчерашнего застолья и мочёные кислые яблочки.

Смешно перевернувшись на карачки, Тоша нелепо держался сначала за лавку, а после за подол юбки и ноги Зори. Выпрямившись, он чуть не выбил головой поднос из рук княжицы и ухватился за кружку.

Наблюдая, как молодец, одного с нею роста, жадно пьёт вино, Зоря присмотрелась.

– Тошка, как же ты повзрослел. Стал видный и статный. – Восхитилась она. – Слышь, Граня, а приятель у тебя красавчик.

Жадно выпив из своей кружки, Творемир тут же взял вторую, но задержался, с боязнью глядя на Зорю в два раза шире его.

– Забирай Тошку, – нетрезво разрешил Граня и выпил своё вино. – Хотя – нет, не выдюжит он тебя... Чего я несу какую-то муйню? Пора идти в мастерские за посудой. Спасибо, Зоря, вовремя ты с винцом. Как там Милослав, живой?

– Брательник отсыпается, просил рано не будить. – Отмахнувшись от запаха перегара, Зореслава кивнула на дверь. – Пойдёмте в поварню завтракать, здесь, в столовой, накрывать сегодня не буду, не натопишься на вас, холодно, а дров жалко.

Неугомонный вчера Милослав болел похмельем. У него, как держателя запаса всей деревни Глины и соседних хуторов, были в закромах и мука, и рыба во льду, и солонина в бадьях. В закромах с потолка свисал гроздьями лука так плотно, что и не пройти, только палец просунуть. Чеснок и морковь хранились во множестве ящичков с солёным песком. Продукты просматривались каждую седмицу.

Но Милослав считал – пусть мастеровые мужики сами добывают пропитание, а то нарожают по десять-пятнадцать детей и корми их за общинный счёт. Не дело это.

А сегодня он жмурился на солнечный свет сквозь бычьи мочевые пузыри на окошках его клетки и, лежа на боку в постели, медленно отпивал из кружки вино, пытаясь прийти в себя.

– Гранислав сам разберётся с посудой, не маленький. А мне плохо...

Деревня Глины. Посуда

Сторговались Гранислав и Творемир в трёх дворах.

При подъезде высоких расписных возков, на крыльцо степенно, но быстро выходили хозяин с супругой и старшими сыновьями, за ними толпились дочери. Все девушки в шубах, а не в тулупах, распахнутых по случаю оттепели. У мужчин короткие мятли и высокие шапки, на поясах ножи в украшенных кожаных или берестяных ножнах, на груди и поясах праздничные обереги. У хозяйки и девиц на головах под платками венчики. И все девицы успели подрумянить щёки свёклой и навести сажей брови.

Сойдя с крыльца, хозяева шли с подносом к княжьим возкам и предлагали гостям кружку горячего взвара. Вина и медовухи, как понял Творемир по вздохам мужиков, в деревне не осталось. Вместо закусовых пирожков на подносе горой лежали обязательные в Глинах ватрушки, явь гончарного круга, с разноцветными начинками. Белые творожные, красные клюквенные, желтые медвяные и зелёные, с засоленными травами и чесночком.

К полудню Тоша окончательно оклемался и с нарастающим интересом рассматривал гончарные мастерские. В них стояли особые округлые печи с топкой внизу, с открытым зевом во внутрь, с трубой, выходящей в крышу. У стен высились надстроенные в несколько лесов полки с готовой по-

судой, с забавными свистульками и фигурками богов. По углам мастерской горой стояли мешки с морозной глиной. И на самом почётном месте красовались деревянные круги с верёвочными приводами и высокие стулья перед ними.

Торговаться Творемир не спешил, цепко держал в руках бочонок с медовухой и тщательно выбирал посуду, впервые в жизни ощутив свою важность и отношение к княжьей семье, в доме которой он жил с детства.

В самой большой мастерской Творемир, оглядывая полки с изделиями, увидел высокую корчагу с дырочками.

– О! Давильня ягодная! – Обрадовался он. – Повариха Радмила в этом лете расколола последнюю, просила привезти.

– Для себя делали, – встряла в разговор хозяйка, оттеснив обеих праздничных дочерей, ходящих за гостем. – Только одна осталась.

Хозяин Бодоша и его трое сыновей молчали, смотрели по сторонам, скрывая жадный голод, стараясь не задерживаться взглядом на дубовом бочонке Творемира.

– Колбасы круг. – Ни на кого не глядя, объявил Творемир. У мужчин вздёрнулись кадыки под бородами. – За ягодную давилню. Солонины два шмата и бочонок крепкой медовухи за остальную посуду.

– Берём! – Решительно перебил жену Бодоша, собравшуюся торговаться. – И можешь по древне не искать. Давильня товар штучный, только мы делаем.

И дальше гончары разговаривали деловито, предлагая свои изделия, разливая по чашкам медовуху из немедленно вскрытого бочонка. Солонину, просо и подмороженные овощи рассматривали сбежавшие к саням обе девки и их мамка, стараясь не прогадать при торге.

Тошка-Творемир громко разговаривал и важничал. Доставал наугад из мешка пряники и отдавал их в ещё тонкие и ухоженные пальцы девок. Те краснели и брали.

На кемарившего в санях Гранислава, женщины и девушки заглядывались не меньше, но он, усталый от вчерашней мыльни, ни с кем не заигрывал, лежал на сене и, после очередной поднесённой чарочки, щурился на солнце, дышал и слушал капель с крыш.

* * *

До сумерек по дворам хозяйки с дочерьми паковали в солону и мешки посуду разных видов. Граня велел брать всё – и простые горшки и чашки для поварной, и расписные для столовой.

В дом княжича Гранислав и Тоша вернулись усталые и похмельные.

А вечером опять напились вина, доели от вчерашнего угощения, да ещё и повариха Шура сделала на сковороде яишню о десяти утиных яйцах с луком и грибами. Еле дышали к ночи.

Третьего дня, после сытного обеда, переобнимавшись с Милославом, Зореславой и всей дворней, отправились обратно домой.

Конь Топыч, заскучавший без пробежек на конюшне, бодро тащил сани, нагруженные грудой мешков с посудой. Осоловевший от питания Тоша, не особо его подгонял.

Утомлённый гостеванием, Граня дремал у задника саней, придерживая посуду. Под боком что-то мешалось, и он вытянул свёрток. Оказался тот, с сапогами. Продукты обменяли, пряники раздали, а про сапоги забыли. Надо же было так упиться...

Положив свёрток под щёку, княжич удобно пристроился и сладко, как бывает на морозном воздухе, заснул.

Дорога в деревню Явидово. Встреча

– Граня, просыпайся, кажется, на дорогу ломится лось. – Творемир натянул вожжи, останавливая коня. – Переждём, а то сшибёт.

Вздвогнув, Гранислав сел в сани, огляделся. Из леса, боясь поломать тонкие деревца и замёрзший кустарник, к дороге напролом пробивалась невысокая девица. Лица, из-за съехавший шапки, было не видно, но девица была крепкая и тащила за собой волокушу с тяжелым оленёнком.

– Это Вася-охотница. Она одна на все деревни такая. – Творемир сплюнул в снег, свистнул что было мочи и закрычал. – Вася! Иди к нам, подвезём!

Василиса остановилась, разглядывая в голубых сумерках сани. В этот момент у неё развязался серый пуховой платок на груди и упал на снег. И стояла она в распахнутом тулупе, в съехавшей на бок лисьей шапке. Распаренная, тяжело дыша убирая рукавицами волосы с лица...

И тут Граня понял, что хочет её, эту молоденькую бабу. Прямо сейчас, вот такую, растрёпанную, не покрашенную, в старом дурацком тулупе. Такая она светлая, живая и аппетитная. А ведь позапрошлой ночью он с теми, из мыльни, ой, как старался. Но к девке-охотнице тянуло не только удом,

но и особым щемящим чувством, живущим в груди между сердцем и животом.

* * *

Больше всего Василиса мечтала сейчас увидеть маму, идущую встречать её с охоты. Обычно мама, увидев издалека, что охота прошла пустой, хромала обратно в дом, не ждала Васю. А если волокуша оказывалась полной, то шла навстречу дочери и помогала тащить добычу. Большого толку от Годиславы, бледной и худой, как весенняя сосулька не было, но мамино беспокойство всегда приятно.

Руки оттянулись от тяжести, ноги гудели от трудной дороги. Но попросила Василиса у Деваны помощи и вот они, княжьи сани. Привяжи к ним волокушу и иди себе налегке.

Как бы услышав её мысли, Тошка соскочил с саней, выдернул на дорогу через высокий сугроб волокушу, вмиг оценил добычу.

– Приличный вес взяла, пуда на три. И как ты, Вася в лесу находишь дичь? Хороший оберег, небось, носишь? Батя отдал?

– Замолчи, Тоша. – В голосе охотницы задрожала злость. – Когда бы он успел...

Не извиняясь, Тоша сменил тему.

– И почему оленёнка? Нельзя же сейчас маленьких стрелять.

– Какой же он маленький? – обиделась Василиса, нагибаясь к валенкам. Отвязывая снегоступы, она бубнила себе в колени. – Посмотри, Тошка, оленёнок летнего отёла. Либо поскрёбыш у старой оленихи, либо третий в помёте, слабенький. И рана у него на ноге, видишь, заветрилась. – Разогнувшись, охотница тыкала плетёными снегоступами в заднюю ногу оленя. – Всё равно не жилец. А для охоты места нужно знать, – выдохнула она. – Сегодня сильно умаялась, тяжело ходить по лесу зимой.

Наблюдая, как Тошка привязывает её волокушу к саням, Василиса поглядывала на княжича. Хороший мужик, пригожий и правильный. Борода кучерявая, золотая, глаза голубые, весёлые и взгляд как будто к себе притягивает. А всё равно не её зазноба. И ростом ниже, и плечами *уже*. И улыбается хитро... нет, её зазноба лучше. Но живёт далеко, в Глинах.

– Садись, девонька, рядом со мной, до нашей деревни доведу. – Усмехнувшись, Граня подвинулся и сел на край саней. – Либо могу до самого крыльца, но придётся расплачиваться. Завтра заглянешь ко мне в усадьбу. На конюшне у нас тепло... отблагодарю.

Сразу поняв, о чем идёт речь, Вася нахмурилась.

– Я не кобыла чтобы на конюшню меня вести... И со мной нельзя. – Она села на край саней с другой стороны от княжича и насупилась.

– Не замужем она ещё, княжич. – Тоша смущённо потёр

нос рукавицей. – Ведогорова племянница, у которого девки-двойни. В строгости её держат. Я пробовал подъехать, Ходогон Бортник пробовал, даже Веля пробовал, не уломали – не хочет, дерётся, а рука у неё тяжелая. Не силой же её брать, что мы, дикие?

– Она девственница? – Удивился Граня, рассматривая колюбок в тулупе. – А с виду – молодая баба.

– Зато я долго буду стареть. – Пробурчала Вася из-под съехавшей на брови шапки и поправляя за плечами тул со стрелами. – Мы, в середине зимы рождённые, рано взрослеем и поздно стареем. А я так совсем на Карачун появилась. – Она запихала снегоступы за пазуху тулупа и, устраиваясь удобнее, нащупала что-то необычное под меховым одеялом в саях. Вытащила сапоги, одну пару за другой, повертела их, понюхала кожу, потрогала бусины и восхитилась. – Ой, какие ладные.

– Хочешь, забери их. – Неожиданно для себя сказал Гранислав и придвинулся к девушке.

У него была самая богатая шуба в деревне, на рысах, покрытая заморской тканью. Шапка из бобра подчёркивала его длинные брови, яркие голубые глаза и весёлый русый чуб.

Стесняясь смотреть на красавца княжича, Василиса протянула ему сапоги.

– Своей обуви полно. Шкуру я добываю, а за мясо мне Дуня-вышивальщица валенки и рубахи расшивает.

Но было видно – обувка поразила девушку необычностью.

Не взяв сапоги, Граня сжал руки в рукавицах девушки, отчего Вася покраснела и напряглась.

– Мне зазорно с сапогами возвращаться, – мягко урчал Гранислав. – Сестра и дворня засмеют. Скажу им, что потерял, а ты соври, что нашла на дороге.

– Не получается. – Дрогнув, Вася попыталась освободить руки. – Нашла – отдай.

– А я не взял. – Потянув на себя, так удобно сидящую, девушку, Граня засмеялся, её сопротивление.

За их тихой борьбой с завистью наблюдал Тошка. Он, вот так вот запросто, обращаться с Василисой боялся. И бока намёт и на всю деревню ославит.

– Да не сопротивляйся, девица. – Граня вглядывался в глаза, девушки и улыбался, чувствуя свою мужскую силу. – Не каждый день сапоги на дороге валяются, а у тебя сёстры двойняшки, пусть носят на зависть всей деревне.

Дёрнувшись, Вася всё-таки высвободила руки и, соскочив с саней, шла рядом, продолжая держать подмышкой две пары сапог.

– Боюсь, княжич, соседки меня сплетнями сожрут, житья не дадут, около колодца толкать будут, пока не упаду.

– Поздно бояться, – Граня свободнее развалился в санях. – Мы сейчас доведём оленёнка до дому, и вся улица будет торчать на крыльцах. Вон уже кто-то не выдержал, по дороге ходит.

Обернувшись на дорогу, Василиса рассмотрела женщину

и рядом ребёнка.

– Это моя мама. – Переборов себя, девушка положила сапоги на сено, выбившееся из-под мехового одеяла. – Вышла на помощь с племянником.

– А чего не отец? – Развернувшись, Гранислав сел удобнее и стал разглядывать дома на окраине деревни.

– Погиб мой батя. – Спокойно объяснила Вася. – Вот столько лет назад. – И она, стянув рукавицу, показала три растопыренных пальца. – Медведь на охоте задрал. Батя был пьяный, а лесные звери этого не терпят. Его так и не нашли, только кровавую одежду.

Василиса, как-то по-детски отмахнулась ладонью от воспоминаний.

– Вася! – крикнула худенькая женщина. – Быстрее иди домой, я сварила вкусную кашу!

– Мама! Сотя! – Василиса побежала вперёд по дороге.

Участок дома ограждал от леса ров и высокий, выше сугробов, плетень. На пяти столбах белели надетые и привязанные черепа волков и один медвежий, отгоняли хищников и нечистую силу.

* * *

В, длинном, мужнином тулупе, мама смотрелась совсем маленькой. Шустрый Сотя, закутанный в два платка на тулупе и в большой шапке, исподтишка разглядывал коня Топы-

ча, княжича и Творемира.

Что девушка говорила матери, Граня не расслышал, но, когда сани подъехали ближе к дому, очень худенькая женщина приветливо ему улыбнулась.

– Спасибо тебе, княжич, за помощь дочери.

– А долг за сапоги я тебе отдам, – перебила маму Василиса. – Могу оленьего мяса принести.

Сидеть перед стоящими женщинами было неудобно. Граня, вылез из саней и взял коня под уздцы, пока Тошка отвязывал волокушу с оленем.

– На кой ляд мне мясо, у нас подвалы не пустуют. – Он обернулся к охотнице. – Ты, говорят, из лука стреляешь лучше всех, даже лучше мужиков.

– О-о! Её даже на соревнования не берут. – Гордо начала говорить женщина. – Сначала не брали – маленькая была, а теперь не хотят отдавать победу!

– Да, да, да! – Скакал около Василисы младший брат Сотя.

– Это точно! – Подтвердил Творемир, передавая верёвку от волокуши девушке. – Рука у неё твёрдая... и тяжелая.

Взяв верёвку, девушка взмахом разрешила племяннику залезть на волокушу и рассматривать оленёнка.

– Сначала меня батя в лес носил на закорках, в торбе-корзине. – Стесняясь непривычного внимания, Василиса всё-таки не смогла сладить с желанием показать себя в лучшем свете. – А после я сама бегала и стреляла.

– Приходи завтра в усадьбу, поучишь брата Святослава

стрелять, он у меня слегка того... не охотник. – Гранислав кашлянул в кулак. – Так и рассчитаемся. Прямо с рассветом и выходи, сейчас поздно светает.

– С утра ни мама, ни дядя не пустят. – Вася покраснела, и мать это заметила. – Нужно готовить оленьё мясо и хозяйства у нас много, скотины, птицы. Весь день займём.

– Обойдутся, – с властным нажимом произнёс Граня. – Ты им сегодня мясо принесла, сапоги сёстрам. Вот... – Он нащупал в мешке, лежащем на санях, крынку и протянул её Годиславе, – ...дорогую посудину. И будет с них. Завтра придёшь в усадьбу с рассветом.

– Подожди, Граня. – Тошка подошел ближе к волокуше, пригляделся к оленю. – А чего ты ему, Вася, кровь в лесу не спустила?

Лениво брехавшие на дворе двое псов, учуяв не только чужих людей, но и охотничью добычу, загавкали громче, с переходом на подвывания. На них никто не обращал внимания.

– Ну, ты, Тошка, не охотник... – Подёргав на шее оленья повязку из крапивной тряпки, Василиса надела рукавицу. – Специально ранку воском залепила, как батя учил, затем тряпицей закрепила. За следом крови волки могли потянуться. Ведь не лето на дворе, все голодные, а мороз не даст сразу туше испортиться, да и кровь сейчас в цене.

Слушая дочку, Годислава менялась в лице и с тревогой смотрела по сторонам.

– Доча, ты чего разболталась? Княжичу наши проблемы до одного места, а уши из всех домов уже повылезали. Идём, время быстро бежит, под тёплой шкурой потеряем мясо.

С волокуши соскочил Сотя, встал рядом с женщинами.

– Хочу домой!

– Идём, идём уже. – Вася вместе с матерью потащила волокушу во двор, в приоткрытые ворота.

* * *

Лихо прыгнув в сани, Гранислав тут же опомнился от шального желания покрасоваться и ощупал ближайший мешок с горшками. Вроде ничего не треснуло.

Промёрзнув на морозе, Тоша пустил коня вскачь. Хотелось в тёплый дом, к печёной репе с грибной похлёбкой. И перед дворовыми девками похвалиться посудой, и зажать в углу поварни жаркую Кладю.

А на крыльцо дома вышли две девушки, красавицы-близняшки, посмотреть, как это их старшая сестрица разговаривает с княжичем. Но пока надевали душегрейки и наворачивали платки, засуетились и не успели – расписные сани отъехали.

Деревня Явидово. Любаша

На морозной улице, да ещё вечером, звуки особенно слышны. Слышен не только привычный лай собак, каждое слово, сказанное за три-четыре дома, но и детские полупшепоты, и блеяние скотины. Звуки отдаются несколько раз о низкие серые тучи, а затем о твёрдый наст дороги.

Сегодня намечались посиделки в доме ткачихи Славуньи. Она нечасто приглашала к себе, занятая детьми, мужем, его родственниками и хозяйством.

Дом считался зажиточным и просторным, и молодухи и бабы деревни старались приодеться к вечеру покрасивее – бусы с наговорёнными оберегами нацепить, железными браслетами посверкать, понёвы¹⁶ поверх юбок, хоть и с заплатами, надеть. А девицы, которым понёвы пока не положены, надевали поверху третью тёплую юбку, короче остальных, чтобы нижние были видны расшитыми подолами.

К Славунье девицы, что считались в невестах, приносили на общий стол кусок хлеба потолще и на два пряника больше. Особо имущие выкладывали кулёк творога, а кто аж кусок колбасы, который хозяйка резала на тонюсенькие кругляши. Парни больше волокли жбанчики бражки и туески солёных сухарей. И парни обязательно притаскивали с собой

¹⁶ Понёва – юбка из трёх полотен для замужних женщин, в каждой деревне особенная цветом и узором.

по мешку баклуш для резки ложек, чарок и ковшей. Славунья радовалась будущим опилкам, будет, что насыпать новорожденному козлёнку в настил хотя бы на денёк.

* * *

Пока пришли только первые девицы, толкались у костра-обогрева, разведённого у крыльца, смеялись и рассматривали друг друга – нет ли у кого обновок. И первой обсуждали новость: где сейчас встали сани княжича Границлава. К кому он – к Журе-толстому, к Торче тощему или к близняшкам? О Василисе не сказано было ни слова, ею в деревне интересовались только взрослые парни, да Любомир, делавший для её отца, а теперь и для неё, стрелы и тетивы.

Во двор, в распахнутые ворота, вошла Любаша в старой шубке, выставив вперёд живот. Ещё несколько лет назад она в своей деревне так же ходила на вечерние посиделки, пряла в уголке, песни пела и всё прикидывала, кто будет её мужем. И коса у неё была одна, а не две и волосы не приходилось прятать под платки и шапочки.

Муж Ратибор попался хороший, работающий и ласковый, бил редко. Только вот в этом году как-то неудачно сложилось с запасами и есть в доме стало нечего. Скоро должна была окотиться зайчиха и тогда она могла бы отдать долг зайчатами, но месяц страсть как необходимо продержаться.

Обойдя снеговика у калитки, а затем девушек у костра,

Любаша поднялась на крыльцо и прошла в сени. Перед тяжелой дверью в комнату вздохнула, набираясь решительности, и подняла глаза к потолку, взмолясь:

– Помогите мне, Берегини дома и Рода, не оставьте голодать с детьми.

Постучав, она сразу же открыла дверь, сделала шаг и встала.

Комната радовала глаз чистотой. Одета для гостей Славунья доскребала стол, на который гости сейчас поставят угощения. В углу, сидя на убранной лавке, быстро щепили лучину¹⁷ двое подросших погодков Славуньи – Славодар и Божидар. Рядом на полу сидел и бессмысленно смотрел на огонь в печи младший брат мужа, Неждан, богами обиженный. За занавеской у печи, на материнской половине, шептались свёкор со свекровью.

Особая гордость семьи – большой ткацкий станок, стоял занавешенными расшитыми рушниками, занимая половину просторной комнаты.

На гостью мальчики посмотрели неприветливо, не увидев в руках приношения. Только Неждан улыбался непонимающе и добро.

Оглянувшись на Любашу, Славунья прищурилась, отложила скребок.

– В долг не дам, сама вот гостей назвала, хоть детей сего-

¹⁷ Лучина – деревянная щепка тридцати сантиметров, которая, сгорая, давала слабое освещение.

дня накормлю. Илонег мой стесняется, ушел чистить овчарню.

– Милая соседка, – Любаша прибавила в голос мольбы. – Мне бы хоть солонины кусок, я бы на три дня наварила, или пяток гусиных яиц, зайчиха у меня окотится на днях, мясом отдам.

Подойдя ближе к соседке, Славунья тихо повторила:

– Не дам. Утки-куры в зиму плохо несутся, и ты знаешь, я сама на сносях, тоже с утра до вечера есть хочу. Спроси у Ведуньи, она не откажет. Или у князей в долг, они обязаны помогать, у них закрома общинные, мы часть урожая отдаём на сохранение.

– Извини...

Ощувив прилив жара на щеках, Любаша развернулась, проскочила сени, перебежала крыльцо и, на бегу здороваясь с девицами и бабами, кого сегодня не видела у колодца, оказалась за воротами, на улице.

Стыдно признаться – была она на прошлой седмице у княгини Умилы, и та дала ей лукошко яиц и ведро проса. А раньше ходила к Ведунье и та, ворча, всё-таки выдала из общинных запасов две копчёных утки и ведро замороженных лещей. Но ведь дома муж, двое мальчонков, свекровь, дед и все они голодные. И она сама ест за двоих, скоро рожать. Идти просить по соседям ой, как не хочется... Неужели опять унижаться?

И тут острым глазом Любаша увидела княжеские сани в

конце деревни. Это чей же дом? Надо же, тётки Снежаны. Что же княжич Гранислав там забыл? Любопытно, нужно навестить.

* * *

Перебежав мимо двух домов, держась в тени высоких сугробов, сметённых к заборчикам, Любаша оказалась совсем рядом, заглянула в раскрытые ворота. И тут её в сердце и, особенно в желудок, толкнуло чувство возможной удачи. На волокуше, которую она заметила только теперь, лежал оленёнок. Не освежеванный, не плоский от спущенной крови, а как живой. Значит, в лесу Васька не оставила требухи. А и действительно, такое расточительство можно позволить только летом.

Любаша с супругом старались не есть мяса, детям отдавали, хотя обоих с голодухи заносило от слабости. А сейчас так захотелось мяса! Аж до красных кругов в глазах, до выворачивания желудка и боли в кишках.

В доме всю птицу подъели, оставили только двух взрослых зайцев на развод и зайчонка, и каждый день смотрели на них голодными глазами. Младший сын Мотя орёт – детишек есть нельзя, так вы и меня сожрёте. А голод не тётка – и грызёт и мает. И если хоть кусочек мяса добыть, то какого же она наварит вкусного, с горохом, кислицей и чесноком, варева на два дня! И, может, хоть обрезанные кости дадут или требухи.

* * *

Замечтавшись, Любаша прослушала, о чем там договаривались княжич и Годя-Годислава, только поняла, что Границлав звал Василису к себе в дом.

Вот разговоры по деревне пойдут! И ведь никто коме неё ничего не слышал. И завтра у колодца она первая всем расскажет о приглашении!

* * *

Сощурившись, Любаша внимательнее взгляделась... Надо же, в руках Васьки-охотницы красные сапоги, не в каждом доме есть такие, а тут сразу две пары... Василиса засунула их за пазуху и пригладила тулуп.

«О чём это я? – Опомнилась Любаша. – Пора идти в землю кланяться, в долг мяса для детей просить. Не упасть бы по дороге от слабости, не растянуться на наледи и повредить тяжелый живот».

С трудом дождавшись проезда мимою себя быстрых княжьих саней, Любаша вышла из тени и открыто поспешила по дороге на край деревни.

Деревня Явидово. Вечер

Зайдя во двор, Василиса и Годислава остановились, поджидая домашних. На том же дворе, темнел соседний недостроенный, без крыши, высокий дом. В темноте он казался особенно большим. Строить его начал ещё отец Васи, Богуслав, помогали ему братья Годиславы. Но когда супруг пропал в лесу, о доме и думать перестали. Не желая терзать себе сердце, Годя отвернулась от дома.

С крыльца сбежал Ведогор. За ним семенила тётка Домослава. Вышедшие чуть раньше близняшки Дива и Мила так и стояли на крыльце, шурились в наступающий вечер.

С заднего двора спешила бабушка Снежана. В обрезанных валенках, в домашней залатанной одежде, с тёплым платком на плечах, она походила на хлопотливую осеннюю лисицу – облезлую, но сытую.

* * *

Закидывая петлю низких ворот на устойчивый столбик, высокий и мощный Ведогор не отрывался от рассматривания оленёнка.

Обратно залегший на волокушу Сотя гладил ещё тёплого оленя. Ведогор, видя обрядовый непорядок, согнал сына с

добычи.

– Кыш, негоже с убитым зверем миловаться, иди в дом, грейся, попей горячего взвара. – Он за шкуру снял с волокуши сына и шлепком отправил к крыльцу и тут же развернулся к племяннице:

– Хорошая охота, Вася, хорошая. Везучая ты, ты племяшка. А, может, как говорят в деревне, Богуслав тебе помогает? Оберег у тебя наследственный...

Тут дядя получил локтем под дых от Домославы.

– Не поминай зазря моего брата и говори тише, *муженька*. – Поправив на груди душегрейку, накинутую на тёплую домашнюю рубаху, Домослава прогудела. – Бог *ов* хвали, а не свояченицу. А вы чего встали, итит вас, ленивых? – Обернулась она к дочерям. – Нам свежевать, а вам на посиделки идти, прясть. Зима кончается, а у вас к Масленице мало обновок. Вы нищими хотите нас выставить, осрамить?

– Мама-батя, – первой, как всегда, затараторила Дива и, не переставая, теребила концы платка. – Ну чего мы туда-сюда на все сиделки-посиделки шастаем? Все наши парни об нас гляделки обгладели. Так вы же всё равно нас за них не выдадите, не отдадите. И чего их дразнить?

– Да! – согласилась Мила.

– А ну, молчать! – Ведогор погрозил кулаком, и дочери насупились. – А кто про вас, дурынд, славу по деревням разнесёт, что вы самые красивые и богатые? А? Как раз родичи тех, кто с вами на посиделках пряжу прядёт, сплетни приду-

мывает. Идите в дом к ткачихе Славунье, ни руки, ни ноги, не отвалятся, набивайте себе цену.

Махнув в сторону двоюродной сестры, Дива с укоризной заметила:

– Батя, да ты вспомни. На Купалу Ведунья объявила Василису старшей, и ей первой идти замуж. А сестрица в супруги не собирается. – Обернувшись к стоящей на крыльце сестре, Дива чмокнула её в морозную щёку. – Да, Васька? Оставишь нас без мужей и детей?

Обняв сначала Диву, а затем Милу, Василиса сняла рукавицы и приложила ладони к плечам каждой.

– Не оставлю. Пойду за первого посватавшегося, мне всё равно. И тут же сбегу! Не хочу замуж.

– Та-ак, завели длинную байку. – Нагнувшись, Домослава разглядывала оленёнка. – Все знают, непряха среди девушек и баб – позорище, но наша Василиса – охотница, что хочешь на шкуры обменяет, её каждый в жены возьмёт! А вы, обе, мало прядёте! Вот и идите на посиделки! Небось, на миру, при людях-то стыдно будет веретено отложить. – Разогнувшись, она повернулась к невестке. – Ты чего столбом встала? Хромай на задний двор, разводи костры.

Вперевалку поднявшись на крыльцо, бабушка обняла внучку.

– Добытчица моя. – Прошептала Снежана. – А белочек моих любимых принесла?

– Да чего их добывать? Они же полусонные зимой, тупой

стрелой одну за другой сбивала, только успевала стрелы подбирать, а двух вынула из силков. – Достав из-за пазухи снегоступы и кинув их в угол сеней, Василиса сняла под тулупом верёвку и отдала бабушке связку белок. – Готовь, и я с тобой посижу, отдохну.

Прихватив белок, Снежана заторопилась за внучкой в тёплый дом, на ходу ощупывая пушистые хвосты.

Сёстры переглянулись, подхватили из сеней приготовленные котомки.

– Жбан с квасом возьмите! – Крикнул Ведогор, подобрал обронённую дровину. – Чай не чужие пряники жуём, на посиделки дочек не голодными отправляем. – И забормотал, глядя на Годиславу, чтобы не слышала супруга. – Годя, у меня квас уже из ушей льётся, лучше медовой браги хлебнуть. Принесёшь?

– Сейчас за ножами и углями схожу и вынесу, – заговорщически отшепталась Годя.

* * *

Две красавицы неспешно вышли со двора, притоптывая намёрзший наст подшитыми кожей валенками.

Из избы выскочил Сотя. Он так и не разделся, только снял платки. Шапку держал в руках, и его кудрявые светлые волосы торчали во все стороны.

– Мне скучно! Я с сёстрами хочу!

Глядя ласковым взглядом на пока единственного сына, Ведогор согласно кивнул и полез за ворот зимней рубахи, за которым у него хранилась вся домашняя нужная мелочь. Нашупал складной ножик.

– Вот, возьми, будешь резать по дереву. Сядешь рядом с Итиром, он толковый резчик, учись. Просить ножик будут – не давай.

– Всегда просят. – Обрадовался Сотя.

– Во-от. – Ведогор с удовольствием погладил волосы сына и надел ему шапку. – В руки давай, а работать не разрешай, затупится. Платки где?

– А ну их к Лешему, платки эти. – Сотя провёл ладонью по вспотевшему лбу. – У конюховского Ныти есть ножик и у Кладиной дочки, Олеси, тоже. И я не буду в платках идти, теплеет же.

– И то верно, ты весь в упарине. – Подошедшая к сыну Домослава поцеловала ребёнка в лоб и поправила шапку. – А Сходя и Олеся, так они дворовые, при князе. У них ножи не свои, им просто так, побаловаться дают. А мы на свои кровные сменяли, поросёнка за ножик отдали.

По привычке Домослава пыталась завязать тесёмки своей на груди и большом животе, но душегрейка не сходилась.

– Я помню, мама.

– Мы все помним – проворчал Ведогор.

На крыльцо вышла Василиса, переодетая в домашнюю ру-

баху и короткий жупан¹⁸.

– Домослава, тётушка. Вот... Это сёстрам. – Спускаясь по ступеням, она держала две пары сапог в вытянутой руке.

Что Ведогор, что Домослава пооткрывали рты, разглядывая невиданную до сих пор обувь.

– Это откуда ж богатство такое? Это ж кто делал? Это же сам воротник Тимослав мастерил? – Быстро говорила Домослава, боясь взять в руки сапоги.

– Не знаю. Я их на дороге нашла. – Врать было стыдно, и Вася покраснела, но замечала её смущение только мама. – Перед охотой. В лес шла – в сугробе схоронила. А на обратной дороге княжич Гранислав признался – обронил, но отказался брать – велел сёстрам отдать. Говорит, им всё равно скоро замуж идти, в приданое будет. – Польстила тётке Василиса.

– От, в чём наши девки на Масленицу, на смотринах будут удивлять! – Обрадовался Ведогор. Он взял из рук племянницы сапоги. – Это же стоит целую корову.

– Две, – уверенно заявила Домослава, забирая сапоги у мужа. – Тут помимо кожи с двух свинух, ещё сколько пошло на стельки бычьей срезки. – Повернув перед глазами подарок, она восхитилась. – В два ряда жилами прошиты. И вышивка, и бусины... княжеская одежда... И тулово держат, – прощупав кожу, она заключила: – Береста вложена для стояния. В богатые дома девок замуж отдадим...

¹⁸ Жупан – Верхняя демисезонная женская одежда.

Деревня Явидово. Приятная суета

Сняв петлю с калитки, во двор вошла Любаша.

– Вечер добрый, – проговорила она, не отрывая взгляда от оленёнка на волокуше. – Вот, зашла по-родственному, всё-таки муж мой, Ратибор, тебе, Домослава, двоюродным братом приходится. Помощь нужна?

– Нужна! – Резко ответила хозяйка. – Других родственников от мяса отгонять! Полдеревни сейчас на запах слетится.

Нахмурившись, Любаша положила руки на выпирающий из-под короткой шубки большой живот.

– Грех её обижать, – тихо, но настойчиво сказала Василиса. – На сносях она.

– Я тоже, – чуть тише проговорила Домослава. – Я тоже со следующего месяца буду на сносях.

Не считая нужным влезать в женские разговоры, Ведогор заворчал, примиряя женщин.

– Чего время теряем? Завози, супружница и ты, Любаша, на задний двор волокушу, к навесу для свежевания. – Забрав у Домославы сапоги, он протянул их вверх, на крыльцо, Василисе. – А ты снеси обнову в дом.

С мужем спорить Домославу не учили, и она смирилась с его решением, тут же шлёпнула себя ладонью по лбу.

– Погоди, Ведогор, там бабские тряпки висят.

– Тьфу ты, нечисть какая... – Свояк Васи плюнул перед

собою, затем за левое плечо, – Беги, Васька, занавешивай.

В один прыжок Вася проскочила в сени, к берестяному ларю. Откинула крышку, достала четыре куса грубого полотна, а на остальные сверху положила сапоги. И тут же, чуть не упав, выскочила на задний двор через тёмный выход.

За домом, на малых кровяных вешалках, мотались стирающие тряпки. Как часто бывает, у женщин, живущих вместе, месячные у них приходили одновременно.

Накрыв тканью замёрзшие на морозе тряпки в неотстиранных разводах, Василиса обтёрла руки снегом.

– Идите! Спрятала от глаз и звериной крови! – Крикнула она и, глянув на стемневшее небо, стала утаптывать снег перед столбами для свежевания скотины.

На зимней стороне дома, на стене сушились распяленная шкура медведя и трёх волков. Шкуры защищали скотный двор, пристроенный к дому от ветра и избавлялись от блох. Медведя добыл ещё отец Василисы, Богуслав.

* * *

Навес для свежевания был сделан из двух сосновых брёвен, подпиравшихся с трёх сторон деревяшками поменьше. Сверху перекладиной служил обтёсанный ствол осины, зажелтевший от времени. А над перекладиной, под сугробом снега, серела узкая крыша. Рядом с навесом стоял широкий пень для обработки добычи, чуть дальше пестрел в снегу

большой каменный валун, размером с телёнка. Вытащить его со двора за последние лет сто не смогли, и Ведогор приспособил валун для заточки ножей.

С тёмного выхода из дома, боясь поскользнуться, спустилась Годислава, держа в охапку горшок с углями. Поставив его на разделочный пень, достала из-за пазухи кожаный чехол с ножами. Передавая его Ведогору, быстро вынула из кармана передника берестяную плоскую бутылку с крепким ягодным вином, и свояк в пять глотков влил её в себя, запрокинув голову.

К разделочному пню волокушу с оленёнком притащила Домослава. Из скотного двора послышались тревожные блеяние овец, козье мекание и рёв кабанчика.

– Чувствуют, светлые души. – Строгим взглядом Домослава заметила ничего не делающую, по её мнению, невестку. – Годя, хватит топтаться, разводи костёр.

– Ага, – согласила та, и сложила приготовленные дрова в шалашик, сухую бересту всунула в середину. Быстро высыпала на неё тлеющие угли. Огонь сразу же занялся.

К каменному валуну подошел Ведогор и, смахнув снег, стал точить ножи, выбивая искру.

В стороне стояла Любаша.

– Кадушки для кишок принеси! – Приказала Домослава Любаше, скребя пень для разделки. – Они под навесом, сразу за летним нужником!

– Бегу! – на ходу отвечала родственница.

– Вася, метнись в дом за тёплой водой, что в вёдрах у печи! – Продолжала указывать Домослава, и Василиса побежала к заднему крыльцу. За нею похромала мама, но Домослава крикнула свояченице в спину. – А ты, Годя, не ходи! Опять на ступенях навернёшься, итит твою ленивую.

И все говорили взбудораженными голосами, весёлыми от удачи. Ещё бы! Мясо в доме об эту пору! Небось, вся деревня прислушивается и завидует.

А зимняя ночь всё гуще темнела, и следовало торопиться.

– Больше дров бери! – Кричал Ведогор в сторону поленницы, где Годя накладывала на санки дрова. – Чтоб и видно было, и руки не помёрзли.

– А одного костра хватит? – решила вставить Годислава и своё слово в общее дело. – Может, второй и третий? А то морозец крепчает.

– Три, оно, конечно, лучше, – согласился свояк и повернулся к запыхавшейся соседке держащей сложенные одну в другую кадушки. – Любаша, помоги Годе. Домослава, хватит скрести пень, сотрёшь до земли.

* * *

Войдя в комнату, Вася застала разделку белок. Бабуля ловко надрезала шкурки у лапок и под хвостом. Шкурку снимала цельной, и тут же нанизывала через глазки на верёвку. Оставшуюся тушку легко надрезала и потрошила, отложив в

специальную плошку с крышкой желчный пузырь, на скворчащую сковородку потрошки и желудок, а сами тушки в горшок с водой, стоящий в печи.

– Тебе сегодня положены желудки, – с удовольствием ворчала Снежана. – Добытчица ты моя.

– Ба, я только два съем. – По комнате пошел запах жареных орехов и хвои, того, чем питались белки. – Два тебе, остальные оставим Соте.

– Тогда ешь. – Подцепив желудочек ложкой, Снежана понесла внучке горячее ароматное мясо и по пути к столу, загнулась о ткацкий станок, стоящий у стены. – Когда же вы его отнесёте в новый дом? Все ноги об него отбила. – Она протянула ложку внучке. – Кушай, радость моя. И иди на двор, соблюдай обряд.

Деревня Явидово. Свежевание оленя

Не дожидаясь большого кострового огня, Ведогор начал разделывать оленёнка. Первым делом снял тряпицу с ранки под левым ухом, потрогал прилепленный воск, тот держался крепко, застыв на шерсти.

Достав из принесённых Любашей кадушек деревянные миски, дунул в них и негромко произнёс:

– Благодарю тебя Дивана, за подмогу в трудные дни. – И тут же призывно закричал. – Бабы, быстро ко мне! Будем творить молитву.

Все побросали свои дела и встали полукругом около волокуши.

– Прости нас, Лесной Дух за то, что взяли у тебя оленя, но он добыт по правилам и летом вернётся новым и здоровым оленем. Прости нас, Олений Дух, что взяли у тебя оленя, но мы принесём жертву и искупим наш грех.

Широко взмахнув ножом, Ведогор резко и точно вонзил его спереди в грудную клетку, прорезал сердце и сразу подставил деревянную миску. Тугая, тёмная, ещё тёплая кровь, толчками стала выливаться сначала в одну в миску и наполнив её, во вторую.

Подняв первую, Ведогор отвернулся от луны, еле светя-

щей сквозь облака, сделал большой глоток крови, передал миску женщинам и приложил ладонь на бок оленёнка.

– Искушим, – хором согласились женщины и тоже, встав к луне спиной, отпили крови и, вытерев рот, прикоснулись руками к туше зверя.

Высоко подняв над костром миску, Ведогор не спеша вылил оставшуюся кровь в огонь. Она шипела ещё в воздухе и пошел запах жаренного мяса, отчего голодной Любаше пришлось прислониться к столбу.

Ведогор вытрет снегом миску и, воткнув в середину дна нож, провёл ею, над огнём.

– А ты, Вася, иди, отдыхай, – отпустил свояченицу хозяйин. – Наломалась сегодня.

Подсоблять свежевать оленёнка среди стольких помощников – только мешать, и Василиса, ощущая усталость в ногах, ушла в дом.

В избе стоял крепкий лесной запах варящегося беличьего мяса.

– Сейчас засну, – пожаловалась Василиса бабушке, раздеваясь на ходу.

– Ложись, милая моя. – И бабушка перешла от печи к столу, где замочила для похлёбки сушеные грибы и яблоки.

* * *

Толстая шкура оленёнка ещё хранила тепло и, когда Ве-

догор сделал первый разрез на животе, изнутри пошел пар.

– Чего ты не привесил тушу? – возмутилась Домослава. – Столько крови теряем.

– Сколько тебя твой брат Богуслав учил, а не можешь запомнить. – Ведогор пристроил миску у валуна. – У оленя самые тонкие два желудка! Подвесим, и один точно порвётся, желчь прольётся, и мясо станет горьким.

Как только вытекла кровь, Ведогор приступил к потрошению туши. У него всегда удачно получался длинный и сильный разрез посередине брюха. В быстро подставленную кадушку, Домослава и Любаша стали вываливаться внутренности. Все смотрели на них с разными чувствами.

Годислава до сих пор переживала за убиенное животное, но от куска мяса не отказывалась никогда. Стояла в стороне и ждала, когда будет нужна.

Домослава деловито прикидывала, сколько получится требухи для колбас, не раздумывая о судьбе оленя.

Ведогор занимался своим делом с осознанием выполняемого перед семьёй долга.

А у Любаши кружилась голова от желания наброситься на мясо и есть, есть, есть его сырым... даже без соли.

Разрубив кость между задними ногами, что дало доступ к прямой кишке, Ведогор отработанным привычным движением сделал круговой надрез у хвоста и продолжил потрошение.

С небольшим усилием кишки и оба желудка освободились

от связи со спиной и выпали в руки Ведогора. Теперь стало видно, что их удерживали небольшие хрящи на ребрах. В два взмаха перерезав хрящи, Ведогор с хрустом раскрыл грудную клетку. Ну, а после доставания сердца с легкими, туша осталась пустой, с одной лишь печенью.

Большим ножом Ведогор рассёк шкуру на шее оленя, разрезал мясо до кости и разъединил позвонки. Рогатую голову отложил чуть дальше, в сугроб.

– На крышу, – коротко сказал он тётце.

Прихватив за ухо голову оленя, Снежана приставила к стене дома лестницу, и, поднявшись к крыше, устроила на особой полке Василисину добычу. Ни волки, ни собаки её не достанут и мясо не пропадёт.

Спустившись, Снежана взглянула на зятя, а тот ловко и быстро перевязывал задние ноги туши оленёнка. Ведогор потянул верёвки наверх, к перекладине, а Домослава подхватила тушу и вдвоём они привесили добычу.

– Прямо голову клади! – крикнула дочь матери. – А то свалится, как обычно, косорукая! По второму разу полезешь и лестницу уронишь, кривоногая.

– Спасибо тебе, доченька, – под нос себе ворчала Снежана. – Вся в батю своего. Такой же ласковый.

* * *

Пока Годя и Домослава распределяли потроха по горш-

кам, а Любаша промывала кишки, Ведогор взял тонкий нож, в пять движений сдёрнул шкуру с оленя и кинул её на снег.

Со двора доносился хрип собак, исходящих желанием наброситься на свежее мясо.

– Годя, кинь им вот, – Ведогор срезал мяса с брюха оленя. – Пашины¹⁹ кинь, её сегодня не жалко. И захвати из сена мясную кадушку и соль, будем замачивать.

Жадным взглядом провожая оленью пашину, Любаша, скрывая желание вцепится в него, повернулась к Домославе.

– Сегодня жарить-парить будете, или на завтра отложите?

– Как же сегодня? – Подтащив опустевшее ведро к костру, Домослава стала наталкивать в него снег. – Ещё полночь не прошла. Печь обидится, ей тоже отдых нужен. И мамка уже супа из белок сварила, зайдёшь потом, похлебаешь, пока мы разрубим мясо и замочим. Эх, вода-то заканчивается, но ты не отвлекайся, я сейчас снега растоплю. Ледяная водичка будет, но ты уж потерпи, Любаша.

– Да чего уж, не в первой. – Засунув руки подмышки, под тулуп, Любаша притоптывала ногами в онучах и лаптях. – Одеться надо было теплее, но я как с ума спрыгнула, когда увидела оленёнка.

Домослава, жалея руки, стала втапывать его ногами в коротких обрезанных валенках.

¹⁹ Пашина – (подчеревок, покровка) – отруб из брюшной части туши крупного рогатого скота и свиньи. Относится ко второму сорту.

При виде Годиславы оба пса перестали лаять и рваться с ремней и только поскуливали, всем телом дрожа от нетерпения. Они изо всех сил тянулись к любимой хозяйке, кормившей их чаще других.

Первые брошенные куски псы сожрали ещё на лету и смотрели на Годиславу просящими глазами.

– Позже принесу, когда тушу разделаем. Костей с мясом, – посулила она и прошла в сени.

Из сусека²⁰ она достала комок соли, положила в мешочек, привязанный к поясу. Разогнулась, потерла хроющую ногу и подхватила пустую липовую кадку.

– Годя! Годя, итить твою ленивую! – донеслось на разные голоса с заднего двора. – Пospешай!

Сырые внутренности оленя воняли дерьмом, не отвратительным свиным, всё-таки животное травоядное, но всё равно противно. Выворачивая синюшные кишки наизнанку, Любаша соскребала с них белесую слизь, и мыла, мыла, мыла их в пяти водах... а вода с каждым ведром становилась всё холоднее. Кишками провоняла вся одежда. От рук, платка и даже от волос несло навозной ямой и казалось, животный дух неистребим.

²⁰ Сусек – выдолбленный ствол широкого дерева, чаще дуба или липы, с крышкой.

Наконец, очищенные и много раз промытые кишки Любаша сложила горкой в бадью и распрямилась. На разделочном пне осталась половина туши. Ведогор резко рубил мясо, Домослава споро завёртывала каждый кусок в отдельную рогожу и засовывала в бадью на просолку. Несмотря на большой размер кадки, целый оленёнок в неё влезть не мог.

Отдельно Домослава отложила оба желудка. Их внутренний слой для начала она использует при готовке сыра и только потом для жаркого.

Сглотнув голодный комок, Любаша негромко проговорила:

– Домыла я кишки, Домослава.

– Молодец, благодарствую. – Оценив лежащие на окровавленном снегу куски мяса, подобрала не тощий, но и не жирный кусок, от средней части ноги. – Держи, и захвати бадью с кишками-требухой, поставишь в снях.

Дрожа от холода, в короткой шубке, залитой спереди водой, в мокрых онучах, соседка смотрела отчаянным взглядом.

– Мне бы... немножко ещё, для двух сыночков...

Живот Любаша выпирал, напоминая о скорых родах. И в самой Домославе толкнулся ребёнок.

– Возьми себе немного требухи и накрой бадью крышкой, она на стене висит... К матери зайди, поешь.

– Спасибо тебе, – Любаша поклонилась, приняла из рук Домославы мясо, заснула за пазуху, подхватила тяжелую ба-

дью и поспешила в перевалку к тёмному крыльцу, придерживая живот.

В дверях она столкнулась с Годиславой, и та быстро дала ей свёрток рогожки.

– Это солонина. Кишок тоже возьми. Жаренные, с лучком, они ой, какие вкусные.

– Спасибо, тебе, подруженька. – В голосе Любаши послышались слёзы.

– Не за что, тебе сейчас есть нужно больше, чем обычно.

Обойдя Любашу, Годислава спустилась на задний двор и, посыпая солью твердевшую на морозе шкуру оленя, стала складывать её, сначала вдвое мехом наружу, затем в четыре раза.

– Я её завтра при солнечном свете поскоблю. В темноте могу испортить и руки поморожу, с утра прясть не смогу. – Громко говорила она в сторону свояка. – А завтра днём потеплеет, и шкура лучше выйдет. Нога моя ноет, оттепель чувствует.

– Тебе лучше знать, – согласился Ведогор. – Ты у нас главная по шкурам.

Деревня Явидово. Посиделки у ткачихи Славуньи

Тяжесть ножики в руке, да ещё складного, заставляла Со-
тю бегом бежать до дома ткачихи Славуньи. Пусть младшие
смотрят, завидуют.

По всем лавкам и на скамейке девок и молодых набилось
больше десятка. Кто пристроил переносные прялки у ног,
кто между колен и деловито насаживали на наверхшие льня-
ную, а чаще шерстяную кудель²¹, выданную матерями или
свекровьями. Рядом выставляли деревянные плоски для об-
макивания пальцев при прядении.

Поглядывая на девушек и молодых баб, парни вытаскива-
ли из принесённых мешков баклуши. Разложив горкой дере-
вяшки, они разглядывали расшитые женские подола юбок,
тесму на рукавах рубах, бусы с оберегами, пояса и украше-
ния. И только потом любовались лицами. Каждый знал – «с
лица воду не пить» и в семью привести нужно девушку не
столько красивую, сколько богатую и работающую.

А девицы, переглядываясь, пряли первую нить, отрыва-
ли длиною со свою ладонь и отдавали подошедшей Славу-
нье. Та, перекрутив их, смяла, подошла к печи и со словами:

²¹ Кудель – Расчёсанный комок шерсти, льна, конопли или крапивы, пригодный
для прядения в нить.

«Возьми Мокошь²² нашу пряжу, путь не рвётся, не гниёт и не путается», бросила в огонь.

Девицы и молодухи продолжили сучить и крутить нити, весело переглядываясь между собой. Парни зашвыркали ножами по дереву. Ненадолго стало тихо и слышалось шипение от падающих угольков с прогоревших лучин, в миски с водой и мокрым мхом, стоящих под светцами²³. Сегодня Славунья поставила их четыре, достав и старые, корявые, выструганные из корневищ деревьев. Два железных светца – зависть половины деревни, Славунья поставила в середине комнаты.

Из-под хозяйской лавки, где сидели свекруха Ванда и вышивальщица Дуняша, задев расшитый подзор²⁴ выпрыгнула здоровенная зайчиха с задней обрезанной лапой, чтобы не сбежала.

Понюхав валенки и лапти на ногах девиц, и пожевав стружку у лавки парней, она допрыгала до печи, поискала чутким носом еду на полу. Ничего не нашла, быстро нагадила, и упрыгала обратно под лавку-постель к запищавшим зайчатам. Все, не отрываясь от работы, следили за шустрой зверушкой.

– ... И вот, значит, пошел Княжич за третье царство, к мо-

²² Мокошь – славянская богиня плодородия и здоровья.

²³ Светец – высокая, до полутора метров, металлическая или деревянная подставка для трёх-пяти лучин, освещающих комнату.

²⁴ Подзор – вышитый или кружевной край парадной простыни, постоянно застилаемой под простым постельным бельём.

ре-океяну, искать камень Алатырь на заветном острове, – завела продолжение сказки седая Ванда, не перестающая крутить нить. – И взял он собою два гребня – костяной да деревянный, лаптей целый короб и хмельного кваса...

Сказку перебил вошедший Сотя. Застенчиво проговорив: «Всем здравия», он снял шапку и тулуп, кинул их в угол, где навалом лежала одежда остальных, и прошел через большую комнату в детский угол, где сыновья Славуньи топориками не прекращали щепить лучину.

Не сядясь, мальчик достал свой складной нож и принялся рассматривать его у светца и так и эдак, то закрывая в деревянную ручку, то снова раскрывая. По лезвию ярко скользили отсветы от горящих лучин. Славодар, Божидар и особенно радостно замычавший Неждан с завистью следили за движениями Соти. Парни постарше смотрели как бы с равнодушием... но внимательно.

– ... И была там краса-девица, а глаз недобрый. И Княжич вспомнил свою оставленную наречённую Сияну, плакавшую по нему горькими слезами... – Продолжала гнусавить сморщенная Ванда.

– Со-отя! – Негромка позвала Дива. – Быстро ко мне.

Руки обеих сестёр были заняты нитками, скручивающей с кудели на веретено, значит, обойдутся без подзатыльника – решил мальчишка. Подскочив к сестре, Сотя обнял её за колени, и она сразу заулыбалась. Соседние девушки тоже. Но Дива, перехватив веретено с правой руки в левую, дала-таки

затрещину братцу и зашептала:

– Не смей хвалиться на людях.

– А когда можно? – Потирая голову, нахмурился мальчик.

– Когда взрослые не видят. – С шепотливой улыбкой учила Мила. – Иди, солнышко, к Итиру, учишь ложки и ковши резать.

На скамейке парней места не было, и Сотя пристроился у ног светловолосого Итира. У парня пробивалась золотистая бородка, и Итир считал себя взрослым. Крепкие пальцы по-особенному держали нож, и на ручке только что вырезанного ковша появлялся коник-жеребчик. Глядя надвигающиеся крепкие пальцы Итира в мелких порезах, Сотя заснул, прислонившись к его колену в застиранных портах.

Брат-погодок Итира, Велемир, стругал очередную ложку.

– К Василисе свататься буду. Слышал, сегодня опять приволокла оленя. – Кудрявый, с плетёной берестяной повязкой через лоб, в расшитой рубахе и заштопанном мятле, Веля переглядывался со всеми девицами, зная, как он им нравится, да и взрослым бабам тоже. – И дом у Василисы с мамкой стоит, хоть и недостроенный, а всё равно – свой дом. У нас-то с тобой ступить ночью негде что в одном доме, что в другом, все полы мы с братьями занимаем, а младшие в обжимку на лавках спят, к утру падают. Женюсь на Васе.

– Хлебало-то подбери. – Тихо, не перебивая голосом рассказчицу Ванду, проговорил Итир. – За тобою ничего, кроме

смазливой рожи да пару бортей²⁵ в лесу, а за Васей дом, хозяйство, приданого два сундука, перина, молоток и Годислава на посиделках хвалилась – железный плуг они сторговали, скоро привезут. Вот, помяни моё слово, в примачи мужика возьмут, чтоб из дома ничего не отдавать.

Слушая брата, Велемир улыбался.

– На Василису пока никто не обращает внимания. Я её первый завалю.

– Да завали хоть половину деревни, что ты уже делаешь. Мне нужна только Оня, а её даже на посиделки не отпустили.

– Из-за тебя и не пустили. Столько девок! А ты к вдове прикипел.

– Велемир, братец мой, – в руках Итира шевелилась стружка и когда она упала, пальцы держали ковш с конём-ручкой с длинной гривой и тонкими ногами. – День и ночь о ней думаю. Не только как телом утешаемся, а ещё как разговариваем с нею, мечтаем...

С сочувствием посмотрев на брата, Велемир весело вздохнул:

– Ой, наваляет нам её свёкор по мордасям. Ты сколько ложек нарезал?

– Я всё равно на ней женюсь, – тихо пообещал Итир. – Ложек только две, зато интересные.

– Вот, – Велемир выложил перед собою на полу ряд ложек. – Пока что они немного кривые, не то, что у тебя. Но

²⁵ Борть – улей из выдолбленного дерева, размером до полутора метров.

буду править.

И он стал обтёсывать выемки и затылки ложки долотом, придавая им правильную округлость.

За разговором братьев наблюдала Болеслава. Девушка яркая, чернобровая и одетая богато, но постоянными резкими движениями и язвительными придирадками, она вызывала к себе неприятие большинства ровесниц и парней. Она заранее ревновала любимого Велемира. Пальцы девушки быстро свивали нить, и веретено крутилось, постукивая по доскам пола. Сердце Болеславы билось от предощущения – не ей достанется горячий любовник, ненаглядный Веля, жизнь её, сладость её...

* * *

Кудели на прялках становилось меньше, а клубки нитей толще. И вот первую скамейку подтащили к столу и девицы, по указаниям Славуньи, стали делить творог и сыры, раскладывать пряники и пирожки на деревянных и глиняных блюдах, разливать из гостевых жбанчиков, составленных под столом, квас для девок и брагу для парней. Блюда заставили весь стол, и обилие еды поднимала настроение не хуже вина.

Первыми на угощение набросились дети, за ними потянулись парни. Девицы старались выглядеть сытыми и скромными, и неспешно принимали из рук Славуньи и Ванды куски хлеба и пряники. Дети хватали всё, что ближе лежало,

парни налегали на кружки с брагой. Её разливал Велемир, в первую очередь, не забывая себя самого.

Проснулся Сотя, когда Итиру пришлось встать, и он сонно добрёл до стола. Дива тут же сунула ему в руки кружку с квасом.

– Пей, скоро домой.

– А что, песни не пели, и драки не было? – удивился Сотя и тут же успокоил себя. – Значит, я ничего интересно не проспал.

Перекусив, девицы затянули песню и самые смелые из них стали топтаться в центре комнаты, поглядывая друг на друга. Мало кому из девок придётся остаться в родной деревне, увезут, исключая кровосмешения с родственниками, но всё равно подросткам хотелось нравиться, веселиться и надеяться на будущую лучшую жизнь.

Наконец-то Итир достал свою дудочку и засвистел весёлую песню. Её подхватил муж Славуньи, Илонег, весь вечер просидевший у печи, стругавший кружки и ждавший, когда можно будет достать гусли и вдоволь наиграть песен.

Трогая дрожащие жилы на ясеновой доске, Илонег тонко пел слова древней песни и не замечал, как жадно на него поглядывали молодые бабы, и как ревнует Славунья.

Мы дойдём до леса, до дремучего.

Мы найдём поляну у болота тайную.

Ляжем мы на мох на мягенький,

И любить друг друга станем яростно...

Деревня Явидово. Любаша

Луна светила вполовину, облака постоянно наплывали на неё и на звёзды. Скоро небо заволокло и начал сыпаться сверкающий мелкий снежок.

Люба шла по наитию, чувствуя под ногами утоптанную дорогу, замечая сбоку валуны сугробов и дома, с редкими тусклыми оконцами из тех, что ещё не были задвинуты досочкой-ставней на ночь.

Неожиданно ноги в лаптях разъехались в том месте, где днём разболтались соседушки с вёдрами на коромыслах, и вода накапала скользкую лужу, став теперь наледью. Любаша упала навзничь, платок сбился назад, тулуп и юбки задралась, и она ощутила голой попой холод льда. Но главного, она не отпустила, прижав руки к груди – свёрток с ещё не застывшим мясом и уворованные кишки не выпали на дорогу.

Встав только с третьего раза, скользя и опираясь на сугробный вал, Любаша нащупала проход к дому. Боясь снова поскользнуться, она обняла чур²⁶ медведя в воротах, вырезанный её супругом Ратибором. Отдышавшись, пошла к крыльцу, щурясь от налипающих на ресницы снежинок и стараясь не наткнуться во дворе на детские санки.

Ночной мороз пробирался под юбку и за шиворот. Боль-

²⁶ Чуры – вырезанные из дерева или камня изображения древних богов.

шой живот заолодел у пупка, и ребёнок недовольно толкнулся. Руки, так и не согревшиеся в рукавицах, скрючились, вспомнив ледяную воду.

Любаша тяжело забралась на крыльцо, толкнулась в первую дверь, в сени, и тут же плотно прикрыла её за собой, сохраняя тепло. Из овчарни послышался звук переступаемых копытец и вздох-фырканье козы. На ощупь пройдя тёмные сени и, открыв утеплённую мехом дверь, Любаша ввалилась в комнату.

Тяжелый воздух, надышанный мужем, детьми, свекровью, дедом и зайцами, показался родным и вкусным.

Одетый сразу в три рубахи Ратибор сидел у пустого стола, резал блюдо узором – завёрнутыми знаками солнца, волнами реки и облаками неба. Остающиеся щепки сметал к краю стола, для печи. Подсвечивали ему для работы сразу пять лучин со светца, смастерённого им из цельного деревца, с вырезанными змеями и цветами по стволу.

– Принесла чего? – Голодный взгляд свекрови, не перестающей пряться, был таким просящим, что у Любаша защищало в носу, и потекли слёзы сочувствия.

– Принесла, принесла мама. – Кладя свёртки с мясом и солониной на стол, она, вытерев рукавицей нос, подождала, пока свекровь отставит прялку, слезет с лавки и развернёт рогожку. Дождавшись счастливого вздоха, она вытащила из рукава третий свёрток. – Потроха отмытые. За хвылыночку²⁷

²⁷ Хвылына – Минута, мгновение. Украинский, древне славянский.

зажарятся.

И только после этого Любаша стала раздеваться.

Вешая тулуп и платки у двери, она рассказывала о событиях вечера. И об оленёнке, и о том, как его свежевали, и как в жертву принесли аж целую миску крови. Призналась в том, сколько уворовала кишок – больше, чем надавали. И, напоследок, прислонив ладони к боку тёплой коптящей в крышу печи, сообщила главное:

– Княжич подарил Василисе сапоги. Красные, с вышивкой. Две пары!

– Ого, – поразился Ратибор и отложил нож в готовое блюдо. – А за что подарил? Неужто наконец-то завалил Василису?

– Сапоги – это что? – Не поняла свекровь.

– Обувка это. Дорогая. Ты, мама, её никогда не видела и хрен когда поносишь. А я, когда ходил в поход за солью третьего года... – Начал объяснять Ратибор, но Любаша его перебила:

– И Васька подарила сапоги сёстрам! Берегини мои, как же я устала и руки отваливаются. Вода поначалу была тёплая, а скоро заледенела.

Не слушая невестку, старая Ясыня раскрутила второй свёрток. Вид парного мяса её обрадовал.

– Сейчас буду жарить и варить. Уже полночь... – прислушавшись к внутреннему отсчёту времени, она убедительно закончила. – Уже можно!

– Вари, мамка, – согласился Ратибор. – Сегодня дрова коллол, чуть не упал от слабости и мёрзну всё время. – Запахнув на шею старую шерстяную рубаху, он перевязал плотнее кожаный пояс. – Мужик на одной пареной репе, да мороженных яблоках всю зиму не выдюжит. – И тут он вскинул голову. – А чем расплачиваться Любаша? Домослава-то хрен задаром что даст, я ж её с детства знаю, сестра всё-таки двоюродная. Дров Домослава просила заготовить?

– Дров у них, Ратиборушка, на три лета хватит. Отработала я работой. – Она показала красные, сморщенные руки. – Говорю же, поморозилась, вода ледяная, кишки мыла. – Вы варите, а я спать. Сытая я, угостили беличьим варевом. Так вкусно было, еле ложку отложила, чуть не откусила краюшек.

Подойдя к мужу, Любаша обняла его голову, поправила шерстяную плетёную полоску на лбу, держащую волосы. Взяв руку супруги, Ратибор поцеловал её в холодную ладонь.

Свекровь нарезала куски солонины, положила на пшеничную лепёшку и протянула сыну.

– Ешь, Ратиборушка, с утра пойдём на реку лёд рубить для ледника, он пустой теперь, проветривается, силушка тебе пригодится.

Устало сев на спальную лавку, Любаша сонно развязывала онучи.

– Добытчица наша! – Растроганная Ясыня, подошла ближе к невестке и помогла ей снять через голову уличную ру-

баху. – Спи, дорогая. А я подсуечусь, стготовлю. Детки наши, как счастливы будут и дед.

– Мама, – засыпая, Любаша завернулась в общее с мужем одеяло. – Да они всю седмицу голодные, особенно Кислень, он же старше, сразу на запах вскочат, а Мотя до утра не проснётся, маленький ещё. Зайчонка не подъели?

Даже зная, что невестка отвернулась от света к стене, Ясыня всё равно сдержала лицо и строго заявила:

– Терпели, на тебя надеялись. К нам жена Торчи заскочила, предупредила, куда ты пошла, про оленя рассказала...

Из-за занавески в дедовом углу, через старческий кашель донеслось:

– Хрен бы мы у Моти зайчонка отобрали, он его весь день за пазухой таскал, не отнимать же.

Город Сукромля

В обратный путь от князя Белогора ехали быстрее с пустыми санями. В Сукромле оставили все подарки и съели припасы.

Вёз Переслав неделю назад подношений для Белогора: разделанную тушу осеннего секача²⁸ бочонок рыжиков, пять туесов лесного мёда, меру²⁹ меха рыжей лисы, половину меры серебристой лисы, два кувшина с тройным вином, упакованные особенно тщательно, и огромный, в сажень пирог, сделанный собственноручно самой Умилой для старшего брата. Отдельно лежал мешок с подарками для Мстислава, младшего брата Переслава, служившего у князя.

Подарки князю Белогору понравились, особенно пирог. Его разогрели в печи и запах начинки – баранина в грибах с травами и чесноком, разошедшийся по всей поварне, напомнил князю о беззаботном детстве, когда отец с матерью баловали его, Умилу и Граню без меры. Забота матери закончилась с появлением младшенького Славика, мама не перенесла родов.

Отец Белогора, князь Славуч решил больше не жениться и воспитывал детей сам, как мог. А младшего Славика все

²⁸ Секач – кабан.

²⁹ Мера – сорок шкур, собранных на одну верёвку. Этого хватает на шубу среднего размера взрослой женщины.

тискали, жалели и баловали. Белогор, к тому времени женившийся на самой красивой княжице из соседнего города, считал его своим первым ребёнком, но сестра Умила редко отпускала от себя младшего брата.

Прошло пять лет и Славуч, заядлый охотник, преследуя подстреленного быка тура³⁰ неудачно упал с коня, сломал ногу в открытом кровавом переломе и к вечеру умер.

Оставшись наследником города Сукромли и небольшого княжества, Белогор растерялся. Жену он недавно выгнал к её родителям за недостойное поведение. Ополоумевшая от неожиданной страсти баба обжималась вечерами с молодым воеводой, стоявшим над конюхами. Жену отослали к её родителям на позор и отлучение от детей, а воеводу «случайно» уронили с городской стены и тот не выжил.

На руках Белогора остались трое своих маленьких сыновей, сестра Умила и два брата.

* * *

По достижении шестнадцати лет, когда уже стало нельзя тянуть с замужеством, к Умиславе, в самой середине лета, посваталось сразу трое княжичей. Молодой Синезор без наследства, рожденный четвёртым после братьев; вдовец Чеслав и тридцатилетний Переслав.

³⁰ Тур – бык огромных размеров, широко распространённый на территории Руси и Европы, был истреблён в семнадцатом веке.

Супруга Чеслава поранилась о ржавый гвоздь и «сторе­ла» от заражения крови. Осталось восемь детей.

Самый подходящий для жениха Переслав уже имел четырёх жен, но ни одна из них ему не родила и Переслав решил жениться для выгоды, если не получилось с детьми. Так по­велось, что беря в жены сестру князя, княжич получал зва­ние «малого князя» и освобождался от платежа оброка.

* * *

Потря в самый жаркий месяц лета, Белогор пригласил разодетых в праздничные одежды женихов в столовую, где непривычно большие окна со слюдой закрыли ставнями от солнца, а двери раскрыли настежь.

Предложение вдовца, заросшего седой бородой до пояса и постоянно цыкающего редкими почерневшими в дырах зу­бами, Белогор от­мёл сразу, хотя тот привёз в дар три сереб­ряных кубка и резную братину на полведра кваса с восемью ковшами-ладьями. Подарки пришлось вернуть.

Выбор между Синезором и Переславом решил жребий. После обеда Белогор разрешил княжичам сходить на птичий двор, и выбрать двух бойцовых петухов. На передний двор вынесли четыре скамьи и расставили друг напротив друга, заняв всё пространство. Гости, их слуги и дворовые князя расселись по четырём сторонам.

Не очень-то расстроенный вдовец Чиса, сытно отобедав-

ший и упившийся крепким пивом, широко расселся между своих слуг на скамье напротив Белогора и сильнее всех топал низкими сапогами по земле, выбивая пыль.

Бой петухов сопровождался хлопками мужских ладоней по коленям в льняных портах, дружескими тычками локтей по бокам соседей и криками, криками, криками. Молодые мужики, расстегнув ворота расшитых рубах, вскакивали, подзадоривая петухов, сами квохтали и шлёпали себя по бокам, показывая птицам, как нужно драться. Петухи, вошедшие в неистовство, клевали шею соперника в кровь, сбивали гребни, стараясь попасть в глаз. Дворовые женщины хохотали, наблюдая и за птицами, и за мужчинами, прячась за открытыми дверями. В общем, было весело.

Выиграл петух Переслава, заклевав соперника в шею до смерти и того сразу отнесли в поварню. Бойцовского победителя оставили для следующих боёв.

Умилу о её желании выйти замуж никто не спросил.

Она смирилась, но супруга не полюбила.

* * *

Обрадованный княжич Переслав, ставший теперь князем, был расстроен условиями принятия новой жены. С Умилей ехали два её младших брата – погодок Гранислав и маленький Славик. Славика не отдавала Умила, а Гранислава, успевшего «пробежаться» по десятку девок и молодых го-

рода, князь Белогор сам решил убрать с глаз долой. Отцы и мужья горожанок Сукромли несколько раз требовали судить суд над блядующем князем, и приходилось откупаться то овечкой, а то и серебряным рублём, на который можно было сменять половину отары овец или целого коня.

Деревня Явидово. Пять лет назад

Свадьбу Умилы и Переслава играли в Явидово без Белого-ра. Тот вынужден был поехать в Новгород к Великому Князю для серьёзных переговоров.

Гуляли неделю. За это время Умила обследовала всё хозяйство и отослала по деревням бывших жен Переслава, дав за каждой хорошее приданое – от сундуков с одеждой и постельным бельём, до коз и овец. Ещё она велела огородить усадьбу новым частоколом из высоких брёвен.

С нею никто не спорил, сразу стало понятно – приехала хозяйка. Правда, старшая жена – Влада, привыкшая чувствовать себя здесь главной, возмутилась. Даже приказала урезать продукты для гостей на обед и завтрак, и зерна и овощей их коням в последующие дни, но Умила, не угрожая, не повышая голоса, спокойно сказала, глядя в глаза взрослой женщине, на полголовы ниже её:

– Утонешь. Даже если не пойдёшь купаться, всё равно утонешь.

Вместе с Умилой в Явидово приехало пятеро дружинников, все, как один, здоровые и послушные княжеской воле, и Влада поверила обещанию. К тому же Ведунья тихо нашептала ей: «Уезжай, Влада, не гневи Рода и Мокошь, они на стороне княгини».

Забрав на три овцы больше, чем другие, и лучшего коня,

Влада уехала в далёкую деревню, проклиная Умилу, Переслава и своё неприглядное замужество.

К концу того лета из пяти дружинников, сопровождающих княжну, четверо вернулись в Сукромлю, но один остался – Ведогор. Сама Ведунья сосватала его за Домославу.

– Иди в примачи, не сомневайся. Хозяйство крепкое и Богуслав, первый сын Снежаны, хороших кровей. Это сейчас Снежана бабка, а была первой красавицей, мыльницей у отца Переслава. Родила сына от какого-то гостя. Переслав считает Богуслава своим другом, помогает. И Домослава проверенная, не порченная, не бесплодная, две дочки-близняшки у неё, и тебе нарожает.

Домослава понравилась Ведогору. Статью и ростом она напоминала ему тогда ещё княжица Умилу, в которую он был влюблён с детства. И дом понравился достатком, и будущая тёща, и девочки-близняшки... Ведогор заслал сваху.

Город Сукромля. Три дня назад

На обеде вместе с князьями за столом сидели его трое сыновей, маленькая дочка Цветана, прижатая от красавицы постельничьей, старый и жилистый Волхов Ветер и младший брат Переслава, Мстислав. Других бояр из дружины к обеду не пригласили, они слишком надменно себя вели и с Переславом, и с Мстиславом, считая их выскочками из-под юбки Умилы.

Одет Волхов Ветер был по-особенному. Ходил круглое лето³¹, в мороз и жару, в шерстяных портах и в длинной, ниже колен, шерстяной же рубахе, снизу доверху расшитую знаками всех родных богов. Поверх рубахи на деревянной цепи висел знак Сварога: спил дубовой ветви с восемью загнутых по солнцу лучей – Коловрат; рядом висел знак Перуна – небольшой железный топорик; и третий оберег – серебряная подковка, знак Дажьбога.

В дождь Волхв накидывал на плечи рогожу с наголовником, а в морозы длинный кожух из шкуры взрослого тура, истёртую до блеска овчинную шапку, а подпоясан был простой верёвкой. Ел Ветер мало, пил только колодезную воду. Вот и сейчас перед ним стояло блюдо с гороховой кашей и высокий бокал с водой.

³¹ Лето – до Петра Первого было летоисчисление, термин «год» появился только на рубеже 17 и 18 веков.

За обедом дети Белогора почтительно молчали. Здесь ели каждый из своей обеденной посуды, глубокой, с двумя ручками. У старших стояли расписные глиняные, у младших – деревянные, иначе они их быстро колотили.

В поварне, с запотевшими стеновыми брёвнами, легко вместился бы дом бобыля³² от земли до крыши, и поэтому огромную печь приходилось топить день и ночь.

– Белогор, – голос худого Ветра был мощным и бил в уши. – Ты от разговора не уходи, не забывай про деяния Лихвы в Рожне, расскажи Переславу. Полгорода пожгли, пока крестили народ. Всё погорело.

В столовую, стуча подкованными сапогами, вошел молодой дружинник в накинутах на кожаную рубаху тулупе. На его поясе висели меч и кистень³³.

Сняв овчинную шапку, воин поклонился всем сидящим.

– Здраве буде княжичи, здрав буде Волхов Ветер. Воевода Горыня прислал меня за тобой. Он приглашает к праздничному столу, хочет отблагодарить. Его супруга, разродилась двумя мальчиками, как ты и предсказывал. Родила легко. Все здоровы.

– Не меня, богиню Роды нужно благодарить. Но Горыню обижать не буду, иду. – Встав, Ветер погрозил корявым от возраста и работы пальцем. – Не забудь, князь про крещение.

³² Бобыль – одинокий мужчина, вдовец или просто ленивый.

³³ Кистень – железный шар с шипами, прикрепленный цепью к деревянной ручке.

Беда идёт к нам в город.

Все молча проводили взглядами Ветра и обрадованно вздохнули. Уж очень праведным и страшным был Волхов.

– Знаешь, Переслав, – запивая сестринский пирог горячим сбитнем³⁴, Белогор вытер потный лоб и мокрый от простуды нос. – Разговор будет не совсем приятный, но нужный.

– Не сомневался, что ты не просто так прислал за мной посыльного... – Переслав осёкся. – Что это он делает? – и кивнул на старшего сына Белогора.

Летом получивший взрослое имя Доброслав, теперь сидевший в собственной расшитой, а не отцовской рубахе, подросток взял переданный ему Мстиславом кувшин и деловито налил в глиняные кубки хмельного сбитня себе, двум братьям, ещё в рубахах отца, и даже маленькой сестрице Цветане.

Смеясь, Белогор взглянул на сына. Тот сразу отодвинул от сестрёнки посудину со сбитнем и приставил чашку с молоком.

– Батя, – нетерпеливо напомнил Доброслав. – Меня ребята на дворе ждут, мы сегодня идём в Младшую Дружину стрелять и драться.

³⁴ Сбитень – горячий забродивший компот с небольшим процентом алкоголя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.